

Уч. Книж. Ст. Шукина

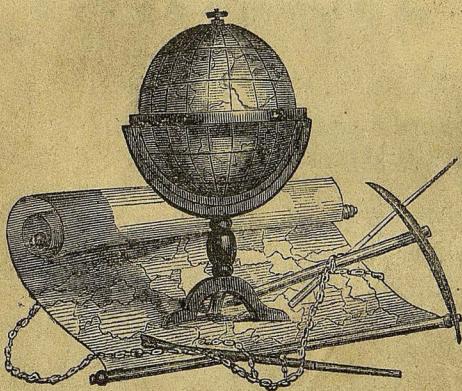
764 8
21

О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ

С. МАКСИМОВА.

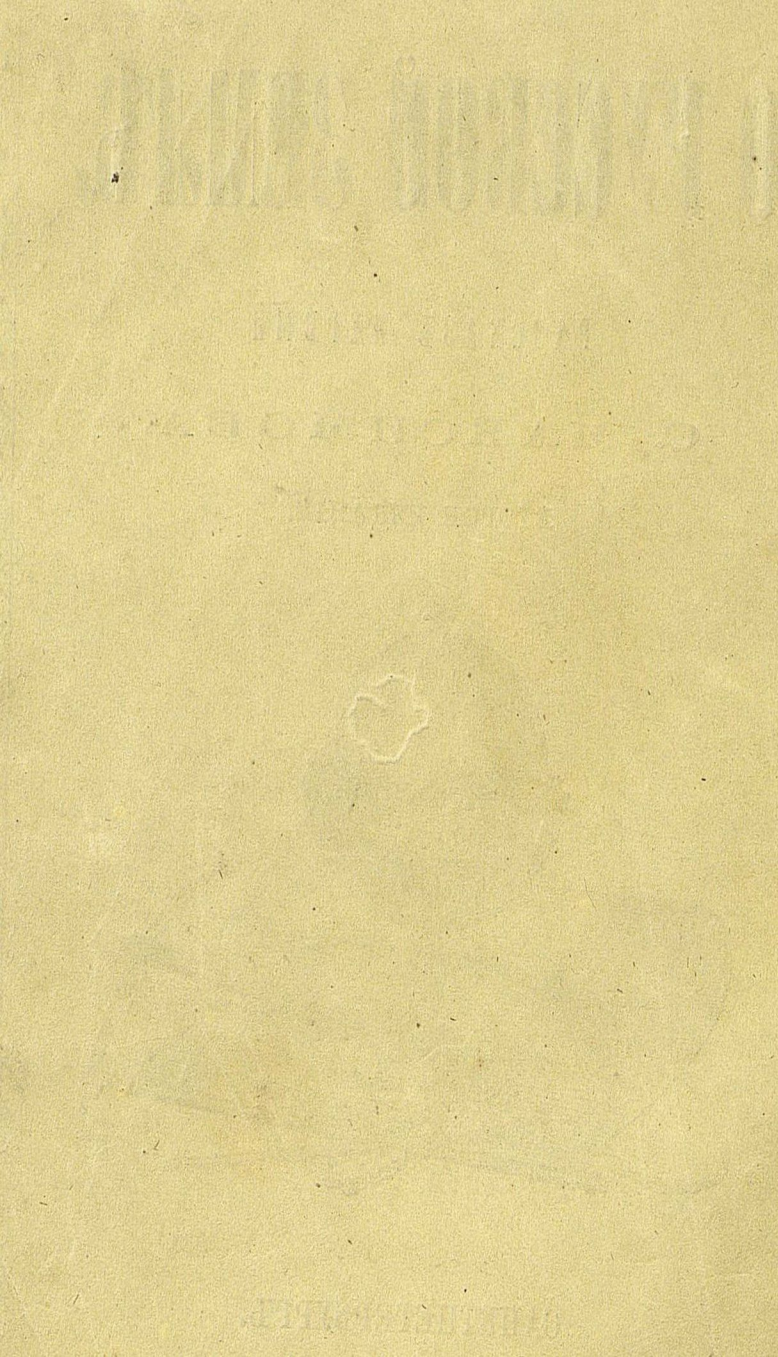
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

1868.

О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ

С. МАКСИМОВА.

СТАРЫМЪ ЛЮДЯМЪ НА ПОСЛУШАНЬЕ,
МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ РАДИ ПАМЯТИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

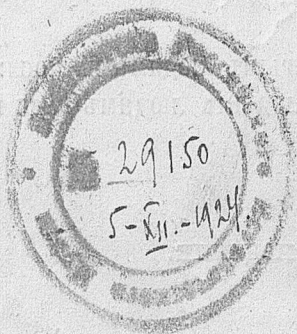

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1867.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 августа 1867 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТОГО, О ЧЕМЪ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ:

Какъ велика и сколь населена Россія?—Про холодный край.—
О студеномъ морѣ.— Что и какъ живетъ въ немъ?— Что тво-
рится на берегахъ Ледовитаго океана?—Откуда идетъ на насъ
стужа? — О тундрѣ и о людяхъ тамошнихъ.— Хвойные лѣса;
польза и вредъ отъ нихъ.— Отчего произошли болота?—Поль-
за и вредъ отъ болотъ.—О томъ, что происходитъ отъ лѣсовъ.—
Какъ рождаются рѣки и озера?— Гдѣ человекъ начинаетъ жить
полюдски?— О лѣсахъ листвяничныхъ.— Рожь и картофель.—
Что называется умѣренными странами?— Ужасныя послѣдствія
истребленія лѣсовъ.— Гдѣ мѣра и границы истребленія лѣсовъ?—
На что губить лѣсъ русскій человекъ?— Отчего и какіе онъ
выдумалъ промыслы?— Гдѣ онъ пашетъ земли?— Какъ за-
велись на Руси фабрики?— Гдѣ появляется избытокъ хлѣба?—
Гдѣ пропадаютъ промыслы?— Черноземная страна Россіи: под-
stepь.— О пшеницѣ и о сбытѣ ея.—Склады хлѣба.—Благосло-
венная сторона.— Степь луговая.— Скотоводство.— Степи песча-
ныя, или новыя русскія пустыни; зло, отъ нихъ истекаю-
щее.— Солончаки и польза отъ нихъ.— Безлюдье.— Про Кавказ-
скія горы.— Цѣлебныя воды.— Про Уральскія горы; ихъ богат-
ство.—Что такое горы вообще; ихъ польза.— Кто у насъ въ со-
сѣдяхъ?

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА

О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ людямъ ради памяти.

Русское государство, по величинѣ своей, по количеству занимаемыхъ имъ земель—самое большое и пространное изъ всѣхъ государствъ земнаго шара. Однѣ сибирскія земли едва не вдвое больше всей Европы и слишкомъ въ два раза Сибирь больше той части Россіи, которая лежитъ по сю сторону Уральскихъ горъ и принадлежитъ къ числу европейскихъ государствъ.

По числу жителей, то-есть по количеству народонаселенія, Русская земля тоже изъ самыхъ крупныхъ. Больше нашего живетъ народу въ малоизвѣстномъ Китаѣ, гдѣ насчитываютъ жителей до 377 милліоновъ. 210 милліоновъ подчиняются Англіи—самой образованной изъ всѣхъ странъ свѣта, и притомъ такой, которая имѣетъ подданныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, въ такъ называемыхъ колоніяхъ. За Англіею, съ ея колоніями, по народонаселенію слѣдуетъ Россія: въ ней семьдесятъ милліоновъ повинуются русскому Императору и Его законамъ.

Стало быть, по числу душъ Русская имперія занимаетъ третье мѣсто въ ряду государствъ, самыхъ богатыхъ населеніемъ. Но если бы подданныхъ рус-

скаго Царя расселить не кучками, а по всему лицу земли Русской равномерно, то на каждая 49 верстъ, или на такъ называемую квадратную милю, придется 617 человекъ въ Россіи и только 28 человекъ въ Сибири, между тѣмъ какъ въ Китаѣ на томъ же пространствѣ живетъ 1731 человекъ; въ Англіи 4781 человекъ.

Существуютъ и такія земли, которыя очень густо населены народомъ. Народу этому становится тѣсно на родинѣ и онъ бросаетъ ее и идетъ искать счастья въ людяхъ. Такъ ведется у нѣмцевъ.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ королевствахъ, напри- мѣръ въ Саксонскомъ, на каждой полусотнѣ верстъ русскихъ привелось бы столпиться народу по семи съ половиною тысячъ, или на каждой квадратной верстѣ слишкомъ полтора ста человекъ. Хотя бы люди и въ городахъ жили, хотя бы они тамъ и въ высъ самые высокіе дома строили и селились бы другъ надъ другомъ, все-таки пришлось бы жить тѣсно, все-таки на всѣхъ не хватило бы земли и привелось бы народу разойтись. Нѣмцы такъ и поступаютъ.

Нѣмцы разбрелись по всему лицу земли. Они во многолюдствѣ сѣли и на нашей Русской землѣ. Мы, русскіе, въ чужихъ земляхъ счастья не ищемъ, не охотимся жить въ другихъ государствахъ, потому- что владѣемъ въ избыткѣ своими землями. Земли эти въ разное время добыты нами оружіемъ и собственною кровью, взяты съ боя, войнами или пріобрѣтены мирнымъ путемъ: умѣньемъ и случай- ностью. Но какъ тѣ земли, которыя завоеваны, такъ и тѣ, которыя заняты, дѣды и прадѣды наши успѣли

уже удобрить своими костями, полить своимъ трудомъ и воздѣлать собственными руками, то онѣ и считаются нашею собственностью, народнымъ достояніемъ, называются *русскими* землями *Русскою имперіею, Россіей*.

Россія занимаетъ собою всю восточную половину Европы, по величинѣ своей меньшей изъ всѣхъ пяти частей свѣта, но за то такой, которая успѣла подчинить себѣ всѣ другія четыре части свѣта. Выходятъ изъ-подъ зависимости европейцевъ только Китай и Японія во второй части свѣта — Азіи, нѣсколько дикихъ народовъ въ третьей части свѣта — Африкѣ и въ четвертой — Америкѣ, да нѣсколько дикихъ островитянъ въ Южномъ океанѣ, или въ пятой части свѣта — Австраліи. До китайцевъ жители Европы уже добрались, къ японцамъ въ наши дни подбираются. О слабыхъ же и податливыхъ дикаряхъ мало думаютъ; они и хлопотъ большихъ не требуютъ. Когда придетъ время, дикари мало-по-малу поддадутся сами: дѣло бывалое! Точно также и европейская держава Россія покорила себѣ большую часть Азіи (Сибирь) и большой косякъ земли въ Америкѣ (владѣнія сѣверо-американской торговой компаніи), стало быть, только въ двухъ частяхъ свѣта нѣтъ русскихъ владѣній, но за то въ занятыхъ двухъ (и въ Европѣ, и въ Азіи) мы владѣемъ землею больше всѣхъ.

Чтобы проѣхать Россію изъ конца въ конецъ, на-примѣръ, съ запада на востокъ, во всю длину ея, понадобится слишкомъ два мѣсяца; при этомъ надо ѣхать день и ночь, безъ отдыха, безъ задержекъ и

остановокъ, на курьерскихъ бойкихъ тройкахъ. Нѣкогда партіи ссыльныхъ, дѣлая законныя дневки и роздыхи по этапамъ, шли пѣшкомъ слишкомъ два года, и все еще доходили эти этапныя партіи несчастныхъ только до Охотска: далеко не доходили до конца Россіи.

Ширина Россіи съ сѣвера на югъ въ четыре раза меньше всей длины ея. Отъ Архангельска, самаго сѣвернаго губернскаго города до Эривани, самаго южнаго губернскаго города, за Кавказомъ, считается пряникомъ, птичьимъ полетомъ, съ небольшимъ 2,500 верстъ, а по кривымъ почтовымъ дорогамъ, черезъ Москву—3,396 верстъ.

По всей длинѣ своей, съ сѣвера, Россія прилегаетъ къ громадному океану, который называется Ледовитымъ за то, что покрытъ нетающими льдами. Въ этомъ заключается самое большое несчастье русскихъ. Цѣлую вѣчность, отъ сотворенія міра, бродятъ льды въ океанѣ съ мѣста на мѣсто. На мелкихъ мѣстахъ набивается ихъ столько, что они кажутся волшебными замками бѣлаго, какъ мѣлъ, или сѣраго цвѣта. На глубокихъ мѣстахъ льды громоздятъ цѣлая высокія горы. Одну такую гору измѣряли и нашли, что она имѣла 4,169 локтей въ длину, 3,869 въ ширину; надъ водой она вышла на 8 сажень и сидѣла на днѣ, по глубинѣ, 61 сажень: стало быть ледяная гора была выше московской колокольни Ивана Великаго, въ которой 46 сажень. Крѣпкіе, устойчивые и продолжительные вѣтры приносятъ ледяныя горы раннею осенью, на всю зиму, къ Россіи. Здѣсь онѣ уже находятъ намерзшій у береговъ молодой

ледь, такъ называемые *припаи*, толщиною до двухъ сажень. Выходя изъ чудовищнаго громаднаго ледника и проходя по неогляднымъ ледянымъ полямъ, океанскіе вѣтры приносятъ на берега необычайное количество стужи. Стужи этой хватаетъ на большую половину Россіи; хватило бы ея и на все наше отечество, если бы холодъ вѣтровъ въ теченіи ихъ не удерживали спопутныя горы, не умѣряли громадные лѣса, не смягчали теплые пары воздѣланныхъ земель и если бы не осиливало ихъ встрѣчное теченіе южныхъ (теплыхъ) вѣтровъ.

Лѣтомъ прибрежные припаи и океанскіе льды уйдутъ частью въ даль, частью растаютъ или изноуютъ на солнечныхъ лучахъ: океанъ у береговъ сдѣлается открытымъ и чистымъ: океанская вода отъ солнечнаго жара начнетъ испаряться, сдавать туманами. Туманы до того густы, что застилаютъ свѣтъ Божій и втеченіи всѣхъ трехъ - четырехъ мѣсяцевъ затрудняютъ плаваніе, и столь часты и насыщены влагой, что влаги этой достаточно для образованія громады облаковъ. Облака покрываютъ сѣверное русское небо въ такомъ обиліи, что дожди весной и осенью и на большую половину лѣта, льютъ почти безпрерывно.

Частымъ дождямъ и глубокимъ снѣгамъ удалось превратить землю въ рыхлыя, мокрыя, неоглядныя и глубокія трясины и болота. Въ этомъ второе несчастье нашего отечества отъ сосѣдства его съ океаномъ и съ тѣми частями его, которыя, въ видѣ морей и губъ, врѣзались въ твердую землю. Таковы моря: Бѣлое и Карское, губы: Обская, Енисейская, Ленская и другія.

Итакъ — весь сѣверный берегъ Россіи примыкаетъ къ студеному океану. Если мы придемъ на его берега и взглянемъ въ нихъ, то на первыхъ же шагахъ у самой воды натолкнемся на мертвый, голый и холодный камень-гранитъ. Въ гранитные камни эти, какъ въ рамку, или оправу, закованы всѣ берега океана на всемъ безпредѣльномъ протяженіи своемъ во всю длину Россіи. Вездѣ, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя обращены прямо къ морю и сѣверу, жгучіе холодные вѣтры износили всякую растительность, вывѣтрили даже самый гранитъ. Вѣтры разбиваютъ его на мелкіе камни, разсыпаютъ эти камни въ мелкій песокъ и песокъ смываетъ вода или уносятъ тѣ же вѣтры прочь съ берега. Прозабенію здѣсь негдѣ быть, не за что уцѣпиться; а если и появляются они отъ животворныхъ лучей лѣтняго солнца, то укрѣпляютъ корни подъ водою, растутъ въ водѣ и за то называются *водорослями*. Самый берегъ мертвъ и пустыненъ. Бьютъ въ него вѣчно-холодныя волны, вздымаемыя морскими вѣтрами до пяти саженьъ высокою. Обмываютъ каменные твердины, гранитныя громады и песчаные пустыри приливы и отливы воды, которая имѣетъ обыкновеніе два раза въ сутки прибывать и два раза отливать назадъ. Втеченіи шести часовъ (говорятъ: отъ притягательной силы луны) лѣзетъ море на берегъ и, дойдя до извѣстной границы, въ высоту иногда до 8 саженьъ, начинаетъ отходить въ продолженіи слѣдующихъ шести часовъ. На самое короткое время вода остается неподвижною на той поверхности, которая всегда ниже всѣхъ мѣстъ на землѣ, даже дна самыхъ глубокихъ овраговъ. И снова вода

пойдетъ сполняться, снова начнется на шесть часовъ приливъ: и такъ вѣчно и непрерывно. Безъ этого и безъ волненій вода въ океанѣ застоялась бы, загнила и заражала бы воздухъ: стоить 20 дней продержать морскую воду дома въ какомъ-либо сосудѣ, чтобы получить отъ нея невосимый, отвратительный запахъ.

И вотъ, кажется, только и живетъ въ своихъ вѣчныхъ движеніяхъ и колыбаніяхъ морская вода темно-зеленая цвѣтомъ, горько-соленая вкусомъ, неудобная для питья и производящая рвоту. Только и способна она на выварку соли, да на купанье больнымъ, да носить на себѣ крупныя и самыя тяжелыя суда, которыя, однако, съ равнымъ удобствомъ ходятъ и на прѣсныхъ водахъ нашихъ рѣкъ и озеръ. За то въ водѣ морской, въ глубинахъ океана, кипитъ сильная, горячая жизнь. Тамъ гуляетъ неимоверное множество рыбъ въ безчисленныхъ стадахъ, или рунахъ. Стада эти преслѣдуютъ безконечное число крупныхъ морскихъ звѣрей, ради прокормленія себя рыбной поживой, тоже въ громадныхъ стадахъ или юровахъ. Когда на зимнюю стужу существованіе въ глубинѣ океанской становится невозможнымъ, и тѣ и другія стада, и жертвы и непріатели ихъ, идутъ во внутреннія моря, углубленные въ землю, а стало быть и болѣе теплыя. Рыба проходитъ въ рѣки метать икру, звѣри остаются на льдахъ вблизи береговъ, тоже съ цѣлью рожать дѣтенышей. Изъ звѣрей только китъ (величайшее изъ морскихъ животныхъ), да моржъ (тоже довольно большой звѣрь) не ходятъ въ теплыя воды. Идутъ туда звѣрь-бѣлуга, или морская бѣлуга, длиною отъ полуторы сажени до двухъ

съ половиной сажень, и разныхъ видовъ и родовъ тю-
лени. Изъ звѣрей живетъ еще тамъ медвѣдь—род-
ня нашему Мишкѣ, но съ той разницей, что онъ весь
бѣлый, любитъ жить на льдинахъ и въ воду хо-
дитъ за рыбой. Изъ рыбъ живутъ въ океанской водѣ:
самая большая, трехсаженная рыба, съ бѣлымъ ко-
стянымъ рогомъ—рогозубъ, самая вкусная и нѣжная
мясомъ—семга, самая здоровая и жирная—треска и
самая плодовитая, приходящая въ необычайномъ
множествѣ, маленькая, хваленая и извѣстная всему
міру — сельдь. Всѣ эти рыбы приходятъ изъ самой
дальной дали океана, изъ самой глубокой глубины мор-
ской, гдѣ онѣ лѣтомъ на потеплѣвшей водѣ отгули-
ваются и вырастаютъ въ тишинѣ глубины океан-
ской: на глубинѣ 14 сажень океанъ всегда спокоенъ.

Изъ морской глубины выйдемъ на берегъ и огля-
димся.

На берегу лѣто. Солнышко, животворное и живо-
творящее, не сходитъ съ неба втеченіи почти
двухъ мѣсяцевъ: съ конца мая почти до конца іюля.
На берегахъ Ледовитаго океана на мѣсто десятиимѣ-
сячной зимы стоитъ девятинедѣльное красное лѣ-
то. Снѣгъ подъ лучами солнца исчезъ; его нѣтъ даже
и въ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ вообще любитъ
залеживаться. Кажутъ сѣрымъ, мертвымъ цвѣтомъ
гранитныя массы подлѣ воды и глядитъ голышомъ
весь тотъ берегъ, который обращенъ къ сѣверу и под-
верженъ вѣянію холодныхъ и зимнихъ вѣтровъ. Но
мы видимъ и такія мѣста, ложбинки, лощины, такія
углубленія, которыхъ знойные морскіе вѣтры проду-
вать не могутъ: они дуютъ только поверхъ ихъ. Въ

углубленіяхъ этихъ мы разглядимъ прозябеніе и не ошибемся: вездѣ тамъ, гдѣ чуть успѣла прилѣпиться и улежаться хоть горсточка земли, вездѣ тамъ солнышко и теплота его съумѣли сдѣлать свое дѣло, то есть завязали растеніе. Сѣль желтоватый мохъ, распластался сѣрый лишай, или ягиль. Ягиль затянулъ собой всю землю такъ, что она и лѣтомъ кажется какъ-бы покрытою снѣгомъ. Подлѣ нихъ пустила корешокъ морошка, разбросала цѣпкія вѣтки и усики ягода вороница, или сдыха. Обѣ дали плодъ, т.-е. ягоду, и обѣ не проросли корнями всю землю, хоть и земли этой всего только горсточка, но подъ ней сейчасъ же лежитъ мертвый, холодный камень. Эти подземныя массы камней, эти гранитныя скалы съ трудомъ поддерживаютъ наносную вѣтрами почву и ту, которая нарастаетъ вновь изъ ежегодно сгнивающихъ прозябеній ягодной листвы и самыхъ ягодъ. И чѣмъ выше лежитъ слой земной, то-есть чѣмъ ближе онъ къ дуновенію холодныхъ вѣтровъ, тѣмъ онъ тоньше и суше и растительность состоитъ непременно только изъ ягилей и моха. Но чѣмъ глубже задегаетъ земляной пластъ, тѣмъ онъ толще и доступнѣе для прозябенія: тутъ и мохъ студенистѣе, и лишай раскидистѣе и о-бокъ съ ними обѣ ягоды сидятъ непременно, а за тѣмъ уже и все тутъ. Земной пластъ либо такъ тонокъ, что похожъ на камень и обросъ лишаями, которые съ родни неспѣсивому моху; а этотъ вездѣ поспѣлъ: садится онъ и на стѣнахъ, и на деревьяхъ, и голой скалой не брезгаетъ. Либо пластъ земной до того пропитанъ весь водой, что ноги человѣчьею не держать и до того насыщенъ холодной сыростью, что и лѣтніе,

жгучіе лучи солнца не могут просушивать землю, не въ силахъ бороться со влагой и производятъ только *два* сорта ягодъ: морошку и вороницу.

Только тамъ, гдѣ земля ушла дальше отъ океана и попадаютъ на ней склоны къ югу и на теплые вѣтры, вырастаютъ терпѣливый и выносливый можжевельникъ и цѣлко лѣпится къ низу, къ землѣ. Еще дальше—завязывается ива чахлая, приземистая, безъ вѣтвей, называемая новымъ именемъ — еры, ерки. Еще дальше растеть и березка, но такая—несчастливая, сиротливая, что съ трудомъ признають ее за березу и называютъ *сланкой* за то, что нейдетъ она вверхъ, а *стелется* по землѣ. И можжевельникъ сперва, и ива-ерка потомъ и береза-сланка лежать на землѣ и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, такъ сцѣпляются вмѣстѣ, что ноги не поставишь и не выдерешь. Глубоко проростають всѣ три въ землю корнями и цѣпляются колѣнчатыми стволами другъ за друга, словно для того, чтобы втроемъ горевать горе, чтобы вмѣстѣ и заодно жить по низу и стоять противъ смертоноснаго дыханія немилосердыхъ враговъ, которые бушуютъ сверху не дальше аршина. И какъ бы для того, чтобы еще надежнѣе бороться съ морозомъ, деревья наши кутаются въ шубу, то есть обростають мохомъ, покрываются лишаями. Мхи и лишай выносливѣе. Выше аршина не поднимаются отъ земли эти три сорта деревьевъ, опять-таки только *три* сорта. Больше и неспособна произращать и держать на себѣ эта земля, насквозь пропитанная водой, рассыпчатая, распласт. чная на каменномъ подножіи; это—бураго цвѣта *тундра*. Тундра и лѣтомъ и на солнечной жарѣ успѣваетъ оттаявать

только на пол-аршина и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кое-гдѣ и кое-когда покрывается кое-какими цвѣтами. И эта жалкая, ни къ чему непригодная земля, эта мертвая тундра съ кустарниками, но безъ лѣса, съ растеніями, но безъ зелени, устилаетъ весь сѣверъ Россіи, верстъ на 500 отъ океана и тысячъ на пятнадцать верстъ во всю длину отечества нашего. Тундра тянется и дальше, входитъ въ лѣса, и тамъ имѣетъ видъ зыбуновъ и трясинъ, и извѣстна долго подъ общимъ именемъ болотъ. Болота и топи далеко и обильно усыпали потомъ и крѣпко обездолили всю Русскую землю.

Въ тундрѣ постоянно можетъ жить одинъ только олень и то потому, что онъ ничего больше не ѣстъ, кромѣ ягиля, и одаренъ такимъ чутьемъ, что слышитъ его и зимою на аршинъ подъ снѣгомъ и добирается до него, разбивая копытомъ ледяной черепъ. Разрывши снѣгъ въ одномъ мѣстѣ и съѣдая тутъ весь мохъ, олень идетъ дальше, туда, гдѣ мохъ не почать. Такимъ образомъ онъ постоянно кочуетъ, а съ нимъ и за нимъ и человѣкъ, который пристроилъ жизнь свою къ оленьимъ стадамъ и устроилъ ее такъ, что безъ этихъ животныхъ человѣкъ и жить не можетъ. Тамъ, гдѣ по тундрѣ разстилаются сухія пространства, являются и олени стада, а съ ними и человѣкъ; а тамъ, гдѣ пространство сухое защищено скалой или пригоркомъ, человѣкъ ладитъ уютное жилище. Лопари строятъ вѣжи, самоѣды—чумы, остяки, тунгусы, чукчи и алеуты—юрты. И тѣ и другія жилища народы эти разбираютъ такъ же скоро, какъ и становятъ, и везутъ ихъ на инныя, новыя

мѣста, какія уважутъ имъ тѣ же олени. Здѣсь не животное покоряется человѣку, а человѣкъ повинуется животному. Отъ оленя эти народы получаютъ все, что имъ нужно: и пищу и одежду; на оленяхъ же ко-чуютъ они съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ, когда отойдетъ тундра и окружитъ ее неизчислимое множество комаровъ и оводовъ, нерѣдко доводящихъ человѣка до изнеможенія и смерти, олень бѣжитъ спасаться въ воду, чаще на берегъ моря. Тамъ стоитъ онъ въ водѣ по самую шею въ то время, когда хозяева его (люди) обложились кругомъ хворостомъ, зажгли его и сидятъ, окруженные густымъ чернымъ дымомъ. Въ пустыню такую человѣкъ могъ зайти случайно (что онъ и сдѣлалъ въ незапамятныя времена) и остался въ ней и потому, что природа наградила его способностью привыкнуть и привѣситься даже и тамъ, гдѣ ни одно животное не выдерживаетъ, и потому еще, что по тундрѣ, и кромѣ оленя, существуютъ разныя приманки. Роетъ себѣ норы бѣлый песецъ — лакомый кусъ дикарей съ теплымъ, густымъ мхомъ; играетъ на снѣгу маленькій серебристый горностаѣ, рыщетъ голодный волкъ и хищная рысь; мышъ-леммингъ проходитъ громадными стаями лѣтъ черезъ 10 и 20, и влечетъ за собою всѣхъ тѣхъ звѣрей, отъ ловли которыхъ всѣ дикари получаютъ вырость. Звѣри эти не живутъ на тундрѣ постоянно. Лѣтомъ же прилетаютъ сюда изъ дальнихъ странъ безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ: первую — дикій бѣлый лебедь, потомъ — четырехъ родовъ гуси, гага, гагары, каменная куропатка, а долгохвостая савка даже зимуетъ здѣсь. На неизмѣримыхъ болотахъ, на морскомъ берегу и въ самомъ морѣ, на берегахъ

рѣкъ и на лѣсныхъ опушкахъ они находятъ себѣ нищу. Въ то же время, въ совершенной тишинѣ и безопасности, они могутъ строить гнѣзда и перелинять. Въ концѣ лѣта и осенью они летятъ черезъ всю Русь на югъ, на тихія и теплыя воды дальнихъ морей. Лебеди и красныя гуси зимою сидятъ уже на водахъ въ затишьѣ, за четыре тысячи верстъ, на Каспійскомъ морѣ. Къ зимѣ и лосось, и осетръ изъ рѣкъ уходятъ въ море, и олень бѣжитъ въ лѣсъ, и птица скрывается туда же. Незачѣмъ тутъ оставаться и человѣку. Толстымъ слоемъ снѣга, въ полторы сажени, покрывается тундра и опять она на 8, на 9 мѣсяцевъ дѣлается мертвою.

Такимъ образомъ, при такихъ картинахъ и несмотря на мелкія приманки, тундра для поселеній и для постоянныхъ жилищъ не годится. Девять мѣсяцевъ она покрыта снѣгомъ, какъ саваномъ. И дѣйствительно, на ней нѣтъ ни одного постоянного жилища, нѣтъ селеній, кромѣ переносныхъ юртъ и чумовъ кочевыхъ рыбаковъ, звѣролововъ и птицелововъ; но и эти ведутъ жизнь близкую къ скотской, къ звѣриной жизни. Народы эти разслабѣли умомъ до того, что стали мало похожи на настоящихъ людей; въ тому же число ихъ очень незначительно, годъ отъ году уменьшается и, вѣроятно, недалеко то время, когда они исчезнутъ совсѣмъ. Самоѣдовъ нѣкогда было въ пять разъ больше противъ того числа, какое бродитъ по ту и по сю сторону Уральскихъ горъ. Костоломная, гнилая болѣзнь—цынга, гноитъ и губитъ тамъ не только кочующихъ туземцевъ, но и всѣхъ тѣхъ, которыхъ дѣла привлекаютъ въ тѣ страны, и удерживаютъ на значительное время.

Исключительная рыбная пища, дурной воздухъ, грязь, недѣятельность, темнота, холодъ, скука, тоска по родинѣ (у заѣзжихъ)—все это разслабляетъ тѣло, портитъ кровь и порождаетъ болѣзнь цынгу. Человѣкъ чувствуетъ слабость, дыханіе становится тяжелымъ, хочется спать — и сонъ не подкрѣпляетъ; надо ходить, полезно дѣлать движенія — а ноги распухли, скорчились. Болитъ спина, горятъ внутренности; десны дѣлаются какъ губка и покрываются язвами; язвы сочатъ кровь и издають такой отвратительный запахъ, что здоровый человѣкъ выносить не можетъ; по всему тѣлу выступаютъ багровыя пятна, наконецъ начинаетъ течь кровь горломъ изъ лёгкихъ и заднимъ проходомъ изъ кишокъ; боли крѣпнуть и человѣкъ умираетъ отъ трехъ причинъ: отъ чрезмѣрной потери крови, отъ удушья и упадка силъ. Особенно много гибнетъ людей на берегахъ и островахъ океана: на Новой Землѣ, на Калгуевѣ и на Грумантѣ, куда приходятъ дальные русскіе люди для промысла барышного сальнаго морскаго звѣря и на сибирскихъ тундрахъ, гдѣ сибиряки ловятъ лѣсныхъ пушныхъ звѣрей.

Вотъ что не манитъ человѣка на тундру, вотъ чѣмъ тундра пугаетъ людей, привыкшихъ жить осѣдло, селеніями! Русскій человѣкъ, да и всякій другой, любящій постоянное жилище и печку, селится уже тамъ, гдѣ тундра становится суше: теряетъ свою губительную силу, гдѣ вырастаетъ и укрѣпляется лѣсъ настоящій, густой, хвойный лѣсъ.

Лѣса вырастаютъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ Россіи называются *тайболами*, въ Сибири — *тайгами*;

въ нихъ еще много сырости, онѣ еще крѣпко напминають тундровыя трясины и топи. Лѣса эти начинаются тотчасъ же подлѣ самой тундры, и притомъ прежде всего и сначала они бываютъ *хвойныя*. Хвойныя лѣса самыя терпѣливыя и выносливыя; хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и далеко врѣзываются въ безлѣсную пустыню, но за то въ другихъ тундра глубоко внѣдряется въ лѣсное царство. Они стоятъ противъ другъ друга, какъ два враждебныя войска и, во время сраженія, здѣсь одолеваетъ одна сторона — тундра, тамъ другая — лѣсъ. Въ Сибири тундра уходитъ далеко въ страну, къ югу; въ Россіи она сильно подбирается съ сѣверу, ближе къ океану. Но за то, если и начался лѣсъ, начался, положимъ, сосной, то и сосна эта идетъ одна, не мѣшаясь съ другими породами: ни съ пихтой, ни съ елью, ни съ кедромъ. Однообразіе лѣсовъ этихъ и описать нельзя; дивисься только тому постоянству, съ какимъ прямо растетъ одинъ видъ деревьевъ, одинъ лѣсъ; и если еловый, то еловый насквозь, если кедровый, то кедръ идутъ сплошь. И въ кедровыхъ, и въ еловыхъ, и въ сосновыхъ лѣсахъ, при началѣ ихъ, еще очень много влаги; самыя деревья растутъ на болотахъ; мокрыхъ трясинъ еще больше, чѣмъ самаго лѣса. И если, вмѣсто каменнаго пласта, или подстилки тундряныхъ трясинъ въ лѣсахъ является иная подпочва, то подпочва эта — глина. Глина же такой родъ земли, которая вовсе не пропускаетъ сквозь себя воду. Легко проходя сквозь тундру, вода, попадая на глину, возвращается назадъ, разливается по верхнему слою почвы, размягчаетъ его — образуетъ болото. Наверху вырастаетъ трава, образуется дернъ. Нижнія

части дерна, проросшія корнями болотной травы, сгниваютъ отъ сырости, превращаются въ темно-коричневую землю, которая называется торфомъ. Нарѣзанный кирпичами и высушенный на солнцѣ, торфъ замѣняетъ дрова тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса. Торфяныя копи стали обращать на себя вниманіе и у насъ, въ Россіи, но пока только около обѣихъ столицъ. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ земляхъ торфъ послужилъ даже къ обогащенію жителей, породилъ новый богатый источникъ благосостоянія. Въ Англіи же изъ торфа въ желѣзныхъ печахъ начали добывать горючее масло, бѣлоснѣжный парафинъ для великолѣпныхъ свѣчей, уголь для кузницъ и машинъ и такія вещества, которыя послужатъ къ удобренію полей. Вотъ настоящее золото, добытое изъ грязи рвеніемъ и терпѣніемъ человѣка! и—вотъ первая польза, повидимому, бесполезныхъ болотъ; а вотъ и вторая: почти во всѣхъ болотахъ водится ржавчина желѣзистая, такъ называемая болотная руда. Изъ нея готовятъ желѣзо. Хотя это желѣзо хрупко и не годится дляковки, но изъ него во многихъ странахъ стали готовить красивыя издѣлія. Тамъ люди изъ грязныхъ нищихъ стали мастерами, художниками.

Главная и самая важная польза лѣсныхъ болотъ состоитъ въ томъ, что они сохраняютъ въ себѣ много влаги, служатъ водянымъ вмѣстилищемъ. Если вода отъ глиняной подпочвы возвратится назадъ и вверхъ, то сквозь песокъ она выходитъ, какъ слеза чистою и, какъ ледъ, холодною, и начинаетъ бить ключомъ. Если пройдетъ ключевая вода черезъ извест-

някъ, который также пропускаетъ воду насквозь, ключъ становится цѣлебнымъ. Родники эти служатъ источниками для ручьевъ. Иногда они бьютъ въ одномъ мѣстѣ во множествѣ и мѣсто это образуетъ котловину, тогда они наполняютъ эту впадину водой, образуютъ озерко или озеро. Ручьи сливаются въ рѣчки; рѣчки, соединяясь между собою, образуютъ рѣки. Рѣки, встрѣчая на пути своемъ впадины, углубленія въ землѣ, наполняютъ ихъ, порождаютъ инаго рода озера, съ тою разницею отъ первыхъ, что вода въ тѣхъ всегда холодная и тѣ озера всегда выпускаютъ изъ себя рѣки; эти же озера только принимаютъ въ себя рѣки. Озерами всякаго рода лѣсныя болота усыпаны въ несмѣтномъ множествѣ. Лѣса даютъ болотамъ тѣнь, не позволяютъ солнечнымъ лучамъ испарять и уменьшать влагу. Влагѣ этой въ лѣсахъ такъ много, что тамъ постоянно свѣжо; лѣса—какъ-будто огромные погреба. И чѣмъ обширнѣе лѣса, тѣмъ сырѣе климатъ страны. Надъ лѣсами всегда охолодѣлый воздухъ.

Между тѣмъ къ лѣсамъ близко море; а море есть тотъ сосудъ, изъ котораго лучи солнца постоянно вытягиваютъ воду, превращаютъ ее въ пары, или туманы. Вѣтры уносятъ эти туманы и разсѣваютъ по всѣмъ направленіямъ.

На холодныхъ мѣстахъ сгущаются туманы въ облака. Надъ лѣсами холоду больше, стало быть и облака надъ лѣсами образуются легче; лѣса привлекаютъ дожди, распространяютъ ихъ влагу по землѣ и равномерно поятъ луга и поля; но вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ въ странѣ больше лѣсовъ, тѣмъ она и холоднѣе. Такъ и у насъ на Руси. И чѣмъ гуще эти лѣса,

тѣмъ и влаги въ нихъ больше. Такъ и унасъ въ Россіи, въ глухихъ и непроходимыхъ лѣсахъ нашихъ сохранились всѣ тѣ болота и образовались всѣ тѣ озера, изъ которыхъ берутъ начало всѣ русскія большія и извѣстныя рѣки. По склону рѣчной площади къ сѣверу въ Бѣлое море потекла и Сѣверная Двина, образовавшаяся изъ двухъ рѣкъ, и Онега, вышедшая изъ озера и протекающая черезъ другое озеро, рѣка Мезень, и прямо въ океанъ рѣки: Печора, Обь, Енисей и величайшая изъ русскихъ рѣкъ — Лена. По наклону лѣснаго горба къ западу пошли рѣки: Свирь и Нева, Западная Двина и Нѣманъ въ Балтійское море. По склону горба къ востоку потекла знаменитая Волга съ огромнымъ притокомъ своимъ, Камой, съ большимъ притокомъ Окой и меньшими: Унжой и Ветлугой. По наклону лѣснаго горба къ югу пошли источники рѣкъ: Урала, впадающаго вмѣстѣ съ Волгой въ Каспійское море и рѣкъ Дона, идущаго въ Азовское море и Днѣпра въ море Черное.

Въ этой же лѣсной полосѣ лежатъ и всѣ самыя большія и глубокія русскія озера; между ними озеро Ладожское, величайшее изъ озеръ цѣлой Европы, Онежское, Чудское, Ильмень и великое множество другихъ. Губерніи Архангельская, Олонецкая и Финляндія усыпаны озерами въ докучливомъ и вредномъ избыткѣ.

Отъ воды въ лѣсахъ — избытокъ влаги, а сырость мѣшаетъ лѣсамъ дѣлать то великое дѣло, о которомъ мы сейчасъ и скажемъ.

Хвойные лѣса, становясь на бѣдной почвѣ, обездо-

лѣнной холодными вѣтрами и сыростью, обыкновенно начинаютъ тотчасъ же умягчать землю. Осыпая свои иглы, они готовятъ новую почву. Корни деревьевъ разрыхляютъ эту новую почву и, гнивая на ней, дѣлаютъ ее годною для питанія другой растительности: травы, цвѣтовъ и прочаго. Въ свою очередь гниютъ и эти злаки и пособляютъ деревьямъ улучшать новую лѣсную почву. Она уже плодородна, она уже удобна для воздѣлыванья. Вотъ гдѣ приличное мѣсто для человѣка: тутъ и бревна для избы, тутъ и сухіе сучья для топлива. Плоды хвои привлекаютъ въ лѣса птицу—вотъ и пища! Лѣсныя произрастенія пропитываютъ звѣрей постоянно, ютятъ ихъ у себя—вотъ и одежда для человѣка! Въ лѣсахъ хвойныхъ, стало быть, многое есть для того, чтобы приманить и усадить человѣка на мѣсто, заставить его поселиться осѣдло. Онъ и селится тутъ, но еще не въ многолюдствѣ. Въ хвойныхъ лѣсахъ онъ можетъ прорубать росчисти, можетъ уже эти росчисти готовить для посѣва и пашень. Но все это требуетъ громаднаго труда и величайшаго терпѣнія, да и приготовленная въ хвойныхъ лѣсахъ пашня бываетъ часто не благодарною; вообще она съ малымъ, иногда ничтожнымъ избыткомъ вознаграждаетъ труды земледѣльца.

Въ этомъ случаѣ на помощь хвойнымъ лѣсамъ вырастаютъ лѣса лиственничные. Особенно много ихъ у насъ, въ Россіи. Хвойные лѣса придаютъ странѣ видъ дикой; лѣса эти непроходимы; человѣкъ ихъ охотно истребляетъ, потому что лѣса эти пригоднѣе для всякаго рода построекъ. Лиственничные

лѣса не имѣютъ того величественнаго вида, какимъ отличаются хвойные, но за то они красивѣе: столы ихъ гораздо толще, сучья гибче, плоды питательнѣе. вмѣсто иглъ у нихъ листья; листья эти зимою опадаютъ, а потому они чаще и болѣе способны приготавливать наземъ и наземъ этотъ сочнѣе. Таковы: дубъ, кленъ, липа, яблони, орѣшники, букъ, береза, ива и многое множество другихъ. Притомъ это такой лѣсъ, который имѣетъ похвальное обыкновеніе выростать въ лѣсахъ хвойныхъ и оживлять ихъ. Вездѣ тамъ, гдѣ появляются лиственничные лѣса, вмѣстѣ съ ними и отъ нихъ являются и пахатныя земли и человѣкъ селится въ большомъ многочисленіи.

Въ лиственничныхъ лѣсахъ завелись первыя пашни. Люди въ нихъ стали крѣпче къ той землѣ, которую они воздѣлываютъ, къ тому мѣсту, на которомъ построили они свои прочныя жилища и обзавелись хозяйствомъ. Здѣсь возникли селенія, образовались города, явилась торговля при помощи рѣкъ, завелось — словомъ, все то, отчего народъ становится богатымъ и перестаетъ жить звѣремъ и птицей: перестаетъ кочевать съ мѣста на мѣсто. Земледѣльческій трудъ всему тому виною и причиною.

Чѣмъ гуще и чаще лиственничные лѣса, тѣмъ плодороднѣе почва, и гдѣ они еще большая рѣдкость, тамъ и земледѣліе плетется кое-какъ, сопряжено съ большими трудами и усиліями; человѣкъ тамъ неохотно селится. Земля способна поднимать только одинъ ячмень и овесъ. Тотъ и другой не требуютъ хорошей почвы и могутъ произрастать

даже тамъ, гдѣ люди принуждены питаться больше животною пищею. Овесъ — самый обыкновенный хлѣбный злакъ: изъ него и напитокъ (пиво) и крупа; ячмень — самый выгодный: изъ него и пиво вмѣстѣ съ хлѣбомъ, и также крупа перловая. У насъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, изъ ячменя и овса приготовляютъ мку и пекутъ хлѣбы и лепешки, часто въ розницу, чаще въ смѣси съ той и другой: въ голодные годы примѣшиваютъ къ нимъ высушенную на солнцѣ и истолченную въ порошокъ заболонь сосновой коры. Такъ дѣлаютъ корелы, лапландцы и финляндцы. На помощь этимъ двумъ злакамъ вырастаетъ охотно картофель — самая дешевая овощъ, изъ всѣхъ самыхъ здоровыхъ. Одна десятина, засеянная имъ, можетъ прокормить вдвое больше народа, чѣмъ то же количество земли, занятой пшеницей. Изъ него нѣмцы приготовляютъ цѣлые вкусные и сытные обѣды, изъ него и крахмалъ, и мука, а нѣмцы въ западной Россіи курятъ водку. Картофель растетъ терпѣливо даже тамъ, гдѣ уже не растутъ никакіе хлѣбные злаки. Въ Англіи цѣлая страна — Ирландія, спасалась и спасается картофелемъ отъ голодной смерти. У насъ, въ Россіи, не дальше шестидесяти лѣтъ начали разводить его всюду, помирились съ нимъ послѣ множества сенатскихъ указовъ и народныхъ споровъ. То же было и въ Европѣ, гдѣ, также какъ и у насъ, народъ считалъ картофель чортовымъ яблокомъ и поднималъ противъ него бунты. Но еще мало разводятъ картофель тамъ у насъ, гдѣ растутъ только ячмень и овесъ.

Замѣной картофеля служи́тъ на этотъ разъ рожь

всякая: сначала яровая, которая легче всѣхъ другихъ сортовъ ржи переносить стужу, даетъ хлѣбъ и водку, и солому для корма скота, для домовыхъ крышъ и прочаго. Тамъ, гдѣ климатъ потеплѣе, сѣютъ рожь озимую. Эта не такъ скоро созрѣваетъ, но за то даетъ зерно крупное и большой колосъ. Въ Швеціи, которая не лучше климатомъ нашихъ холодныхъ губерній, воздѣлываютъ еще одинъ родъ ржи—весенній; но эта рожь у насъ, къ несчастью, неизвѣстна. Во всей Европѣ рожь вытѣснила пшеница; у насъ рожь чествуется больше всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ; у насъ она—царица и общенародная кормилица. Тамъ, гдѣ сѣютъ ее, сѣютъ гречиху, горохъ, а пшеницу только мѣстами, и то уже тамъ, гдѣ почва становится мягче, гдѣ самый климатъ дѣлается замѣтно умѣреннѣе. Рожь показываетъ, что страна еще холодна, хотя стужа и становится слабѣе; пшеница доказываетъ, что земля стала совсѣмъ плодородною и въ странѣ той больше тепла, чѣмъ холода. А гдѣ пошли совсѣмъ мѣста теплыя, тамъ уже рожь бросаютъ, засѣваютъ поля одной только пшеницей. Въ мѣстахъ этихъ исчезаетъ лѣсъ—начинаются степи. Остановимся здѣсь. Мы изъ холодныхъ, сѣверныхъ странъ попали въ теплыя: здѣсь уже и люди другіе; они не похожи на тѣхъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ и еще всего не сказали. Между сѣвернымъ человѣкомъ и южнымъ есть еще жители умѣренныхъ странъ. На нихъ-то мы и остановимся.

Умѣренными странами почитаются именно тѣ, въ которыхъ лѣса значительно расчищены и земля

сильно воздѣлана, но лѣса не всѣ вырублены, они еще полезны своимъ добрымъ сосѣдствомъ, то есть умѣряютъ вредное вліяніе вѣтровъ и дѣлаютъ воздухъ здоровымъ; они привлекаютъ къ себѣ облака для того только, чтобы они могли давать дожди и влагу, нужны для орошенія жатвы, освѣжаютъ воздухъ грозами и оживляютъ растительность зорницами. Обильная влага на такихъ мѣстахъ не затопляетъ полей, не залиываетъ пахаты. Листья деревьевъ днемъ поглощаютъ въ себя то, что вредно для дыханія человѣка, и разливаютъ ночью въ воздухъ то, чѣмъ дышать здорово и полезно. Люди, живущіе на открытыхъ мѣстахъ вблизи лѣсовъ—самые здоровые и свѣжіе люди. Листья деревьевъ принимаютъ на себя весь жаръ и пыль солнечныхъ лучей и иссушающую силу ихъ удерживаютъ на себѣ. Оттого въ расчищенныхъ лѣсахъ хорошо вырастаютъ и отлично сохраняются всякіе злаки, пригодные въ пищу человѣку и животнымъ: трава, овощи, грибы и другія растенія. Выжигая лѣсъ, люди получаютъ золу, которая удобряетъ почву. Такая почва въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даетъ очень богатую жатву. Всѣхъ удобствъ не перечислишь.

Необыкновенно губительны и ужасны послѣдствія совершеннаго истребленія лѣсовъ. Вырубка ихъ ведетъ за собою то, что источники изсякаютъ, рѣки мелѣютъ, дожди, несдерживаемые милліонами листьевъ, дерномъ и мохомъ, падаютъ на землю стремительно съ силою ливней. Мало-по-малу ливни увлекаютъ почву, разрыхленную бороной и сохой, и

уносятъ ее въ низменности. Тамъ почва осядетъ въ видѣ ила, наполнить ручьи и рѣки, замутиль ихъ воды, выгонить изъ береговъ и затопить луга. На травяной покровъ ляжетъ грязь и уничтожитъ кормъ у скота; съ годами вѣтеръ засыплетъ луга пескомъ, рѣки затянутся иломъ и пескомъ, потомъ песокъ мало-по-малу станетъ высасывать воду и рѣки начнутъ изсякать. Въ особенности вредно истребленіе лѣсовъ на горахъ. Горы—предѣль, дальше котораго истреблять лѣсъ нельзя: порубка становится гибельною. Доказательство мы видимъ на рѣкахъ Уралѣ и Эмбѣ. Уралъ выходитъ изъ той части Уральскихъ горъ, отдѣляющихъ Россію отъ Сибири, гдѣ завелось много заводовъ и для заводовъ потребовалось много топлива, много лѣсу. Лѣса тамъ сильно вырубили и Уралъ имѣетъ теперь меньше воды и меньше рыбы; прежніе рукава его, которыми онъ вливается въ море и по которымъ, лѣтъ тридцать назадъ, ходили на всѣхъ парусахъ, теперь сухія ложбины неглубокіе жолобки—едва ихъ примѣтишь и не вѣришь, чтобы они были когда-нибудь рѣками. Эмба—рѣка, знаменитая лѣтъ 80 назадъ своими богатыми рыбными ловлями, теперь имѣетъ такъ мало воды, что уже и не доходитъ до моря, но вся изнываетъ въ приморскихъ пескахъ. А наша кормилица—Волга, на нашихъ глазахъ, годъ отъ году все больше и больше заметывается пескомъ. Каждый годъ на ней являются новыя мели и за то каждымъ лѣтнимъ днемъ устья ея лѣсныхъ притоковъ: Унжи, Ветлуги, Кокшаги и Камы загромаждаются тысячами плотовъ съ навѣки загубленнымъ лѣсомъ—не протолкаешься. Многія губерніи, которыя лѣтъ двѣсти-триста

назадъ, были густо и сплошь покрыты лѣсами, теперь стали такими, откуда народъ пошелъ въ дальныя заработки, выдумалъ отхожіе промыслы и пошелъ онъ вонъ и врозь и оттого на большую часть, что родная земля ихъ сдѣлалась нехлѣбородною, бесплодною отъ песковъ, и отъ того главнымъ образомъ, что отцы, дѣды и прадѣды наши не знали мѣры въ истребленіи лѣсовъ. Только тамъ еще и везетъ счастье, гдѣ накопились послѣ лѣсовъ и отъ лѣсовъ глубокій черноземъ и завелось толковое и расчетливое хозяйство.

Въ иностранныхъ земляхъ по тѣмъ же причинамъ то же несчастье, и вездѣ тамъ, гдѣ рубили лѣсъ на горахъ. У насъ уцѣлѣла отъ этого Сибирь, затѣмъ въ ней и хлѣбъ дешевле рѣны, а у страны этой богатое настоящее и блестящее будущее. Гдѣ усердно вырубали лѣсъ на горахъ, тамъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ земель сумѣли сдѣлать болота не только бесплодныя, но даже и вредныя для здоровья, смертоносныя. Въ горной странѣ европейской, въ Швейцаріи, былъ такой случай. И каналъ прорыли и стоилъ этотъ каналъ огромныхъ денегъ, а все-таки зла не пресѣкли. Илъ сносится каналомъ въ рѣку, въ рѣкѣ поднимается русло, рѣчная вода затопляетъ берега и еще сильнѣе увеличиваетъ болота.

Въ нѣмецкихъ государствахъ, въ одномъ мѣстѣ, отъ добычи свинца изъ земли накопилось во сто лѣтъ много песку; пескомъ этимъ начало засыпать ближніе поля и луга. Догадались рассадить хвойный лѣсъ—спасли жителей отъ горестныхъ бѣдствій, не дали вкусить ихъ и до половины. У французовъ

случилось то же. Въ одномъ мѣстѣ, около моря, морской песокъ засыпалъ поля по близости и грозилъ обратить ихъ въ пустыню безплодную. Одинъ человекъ догадался засадить песчаное мѣсто тѣми деревьями, которыя любятъ песокъ (березами); въ тѣни ихъ возрастилъ сосны и положилъ предѣлъ морскому песку.

Отсюда правоученіе: лѣсъ полезно истреблять тамъ, гдѣ суровый климатъ: въ Финляндіи, въ Россіи чрезъ это сдѣлали плодородную почву, умягчили климатъ. Въ прежнія времена то-и-дѣло постигали нашъ народъ разныя повальныя болѣзни, отъ которыхъ гибли цѣлые города, вымирали большія области. Теперь рѣже слышимъ это, и несомнѣнно, что скоро о томъ и слухъ западетъ. Въ умѣренныхъ полосахъ надо выбирать лѣсъ съ осторожностью и оглядкой; надо знать мѣру; горы служатъ предѣломъ порубокъ. Въ теплыхъ полосахъ надо садить и сѣять лѣсъ, чтобы земля черноземная не перегорѣла, не превратилась бы современемъ въ солончаки или не вывѣтрилась бы въ песчаную, безплодную пустыню. Отсюда точно также удаляется человекъ, какъ изъ сѣверныхъ тундръ бѣжитъ онъ въ лѣса. Объ этомъ стали догадываться и у насъ, въ Россіи, начали крѣпко задумаваться надъ тѣмъ, какъ бы развести лѣсъ въ степныхъ полосахъ, какъ бы сохранить его побольше въ черноземной и хлѣбородной полосѣ. Въ лѣсныхъ же пока немилосердно валяютъ и жгутъ лѣсъ, и уже кое-гдѣ крѣпко почуяли отъ того злые плоды. На берегахъ Балтійскаго моря, во всѣхъ губерніяхъ, какія примкнули къ нему, морской песокъ дѣлаетъ отчаянныя нападенія на землю за

то, что по берегамъ моря вырубили лѣсъ. Дѣла стали плохи, идутъ не лучше тѣхъ, какія случились у сосѣдей нашихъ, пруссаковъ. Тамъ королю Фридриху понадобились деньги. Какой-то господинъ обѣщалъ достать, но съ тѣмъ, чтобы ему позволили уничтожить ненужное. Онъ вырубилъ множество лѣса, который считался тогда дешевымъ, и, между прочимъ, вырубилъ весь тотъ лѣсъ, который корнями своими связывалъ сыпучій морской берегъ. Король получилъ деньги, но у государства осталось неизбѣжное зло. Морскіе вѣтры дуютъ черезъ холмы, на которыхъ вырубленъ лѣсъ; морской заливъ на половину занесенъ пескомъ; вмѣсто лѣса растутъ тростникъ и скоро обѣщаетъ превратиться въ огромное болото; рыбная ловля уменьшается. Пробовали холмы связать корнями ивы и ползучими растеніями: вѣтеръ смѣется надъ всѣми попытками. Ловкій господинъ далъ королю 200 тысячъ серебряныхъ талеровъ: теперь рады бы дать милліоны, чтобы имѣть прежній лѣсъ. У насъ, на Руси, былъ подобный же случай въ Архангельской губерніи лѣтъ сто тому назадъ, когда разомъ вырубили много лѣса: новый лѣсъ и до сихъ поръ не выросъ и давно продаютъ тамъ за границу лѣса изъ дальнихъ губерній; рѣка Онега обмелѣла и еще громче зашумѣла порогами, а скоро перестанетъ гремѣть и вкусною семгой: ее стали вылавливать тамъ въ десять разъ меньше. Народъ охотливѣе началъ жить на чужой сторонѣ; остающійся дома хвораетъ крѣпкими болями—щипотой и лихорадками.

Лихорадка всегда является тамъ, гдѣ на мѣстахъ большихъ лѣсныхъ порубокъ завязываются боло-

та. Желтые болотные лихорадки самая гибельная. Люди — самые болѣзненные, съ желтыми и блѣдными лицами, въ которыхъ нѣтъ ни кровинки, щеки впалыя, глаза тусклые, нижняя часть живота опухлая, походка вялая. Такихъ несчастныхъ мѣстъ на святой Руси много: стоитъ только посмотрѣть подъ Питеромъ на чухонцевъ. Есть у насъ мѣста и ужаснѣе: въ Россіи — на мезенскихъ и пинежскихъ болотахъ, въ Сибири — на якутскихъ зарождается новый видъ болѣзни — икота. Мужчины почти все поголовно мирячатъ, женщины превращаются въ кликушъ не нарочно уже и не отъ притворства, а на самомъ дѣлѣ. Въ Сибири по мокрой степи Барабѣ, а въ Россіи во многихъ мѣстахъ западныхъ губерній: Псковской, Олонецкой, Новгородской отъ болотныхъ испареній и отъ жестокихъ лихорадокъ не мало умираетъ народа ежегодно. Въ однихъ мѣстахъ смерть оттого, что вырубили лѣсъ; въ другихъ — по той причинѣ, что не позаботились высушить болота и вырубить весь излишекъ лѣсовъ. Стало быть какъ рубить лѣсовъ, такъ и росту ихъ должно ставить предѣлы, знать и тому и другому дѣлу настоящую мѣру.

Тѣмъ не менѣе неизбывное горе все-таки состоитъ въ томъ, что съ умноженіемъ народа въ странѣ увеличивается и потребление лѣсовъ. Дерево надобится на постройки всякаго рода, на отопленіе. Когда усиливается торговля и судоходство — истребленіе лѣсовъ еще больше увеличивается: лѣсъ надо на заводы, на фабрики, для кораблей и судовъ, и на постройку желѣзныхъ дорогъ. Русскіе эти потребности пока удовлетворяютъ лѣсами; но тамъ, гдѣ лѣса истреблены,

придумали имъ замѣну: вмѣсто дровъ стали употреблять каменный уголь, выкапываемый въ землѣ. Морскія суда начали строить желѣзными и стальными, дома давно уже строятъ изъ обожженныхъ глиняныхъ кирпичей, изъ сырцовыхъ и глино-соломенныхъ кирпичей, а въ безлѣсной Малороссіи давно уже живетъ народъ въ мазанкахъ. Начали и у насъ мало-по-малу обзаводиться желѣзными судами, развѣдывать каменный уголь и, найдя его на Дону, торопливо и усердно разрабатываютъ. Теперь находкѣ копей съ каменнымъ углемъ стали радоваться больше, чѣмъ находкѣ руды серебряной. Не будь этихъ подземныхъ сокровищъ, во многихъ странахъ привелось бы людямъ испытывать большую нужду. У насъ, въ Россіи, во всѣхъ степныхъ мѣстахъ давно уже отапливаютъ избы и готовятъ пищу на кизякѣ, то есть горючихъ кирпичахъ, приготовленныхъ изъ кала животныхъ съ соломой и высушенныхъ. Въ другихъ пускаютъ на это дѣло камышъ, который и скоро горитъ и много его идетъ. Хотя онъ скоро и во множествѣ вырастаетъ вновь, но и онъ сталъ вырождаться и пропадать. На Уралѣ и на устьѣ Волги, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ его прежде было громадное изобиліе, теперь (говорятъ) во сто разъ стало меньше.

Но лѣса наши все-таки обширны; лѣсная область занимаетъ еще огромныя пространства. Съ лѣсомъ народъ сдѣлалъ все, что могъ, какъ умѣлъ и какъ догадался. Въ лѣсныхъ губерніяхъ народъ еще не могъ сдѣлаться кореннымъ земледѣльцемъ при всѣхъ стараніяхъ и усиліяхъ. Въ хвойныхъ лѣсахъ—онъ

птицеловъ и звѣроловъ, продавецъ и поставщикъ вырубленнаго лѣса; по рѣкамъ многолюдныхъ рѣкъ, какъ по Волгѣ, онъ сплавщикъ и бурлакъ. Въ русскихъ тайболахъ онъ временный посѣтитель за пушными звѣрями и за дичью, которая идетъ въ продажу, какъ: глухари, тетерева, куропатки, рябчики и болѣе мелкая дичь. Въ сибирскихъ тайгахъ сибирякъ появляется за тѣмъ же, чаще за бѣлкой; но главнымъ образомъ любить тайгу за ея болота; топи тайги онъ не промѣняетъ ни на роскошные дуга, ни на хлѣбородныя поля: изъ болотъ этихъ онъ вымываетъ золото — всемогущаго властелина и всемогущаго хозяина цѣлаго свѣта. Въ полосѣ лиственныхъ лѣсовъ сибирякъ успѣлъ стать земледѣльцемъ-пахаремъ; но русскій въ своей сторонѣ съумѣлъ сдѣлаться имъ только на половину. Сибирякъ отъ земледѣлія сталъ человѣкомъ богатымъ; русскій за то, что не умѣлъ сдѣлать съ лѣсомъ того, что должно и можно, до сихъ поръ очень бѣденъ. Выдумали лицу обдирать въ лыки, изъ лыка лапти плести и лыко и лапти на базары возить; дѣло это такое, что изъ-за хлѣба на квасъ не зарабатываешь. Этимъ и лѣса портятся, да и ремесло такое, что только отъ крайней бѣдности берется за него народъ и на немъ далеко не ѣдетъ. Появились бондари почти во всѣхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ; но и это ремесло плохо кормитъ. Кое-гдѣ рѣшота дѣлаютъ и разныя деревянные издѣлія: грабли, лопаты и прочее: тоже мастерства не прибыльныя. Телѣги, въ другихъ мѣстахъ сколачиваютъ сани, кибитки, тарантасы и мастерятъ другое прочее — и тоже въ накладь, потому что, если гдѣ ихъ разбираютъ, то ра-

ботаютъ всѣ, оттого и сбиваютъ цѣны, работаютъ въ накладъ другъ друга. Выгоднѣе идетъ и спорнѣе сбывается точеная и наведенная лакомъ деревянная посуда: Семейовской уѣздъ, Нижегородской губерніи, на этомъ дѣлѣ большіе барыши беретъ. Еще промышляютъ хорошую и вѣрную деньгу на такихъ деревянныхъ подѣлкахъ, какія нужны для фабрикъ: шпульки, катушки, станки, веретена, гребни, берда, прялки и прочее, но и то ведется только тамъ, гдѣ много настроено такихъ заведеній. Мебель идетъ хорошо въ Московской губерніи, а въ Вятской уходитъ почти за безцѣнокъ. Изъ Владимирской губерніи и изъ Нижегородской идутъ ходко сундуки, окованные желѣзомъ, потому что азіятцы охотно ихъ раскупаютъ на макарьевской ярмаркѣ въ Нижнемъ.

Несмотря на то, народъ лѣсныхъ губерній—все-таки бѣденъ. Бѣдность заставляетъ его не полагаться на одну землю, а принуждаетъ искать въ помощь землѣ другихъ занятій. Лѣсная почва кормитъ хлѣбомъ только семью пахаря, оставляетъ излишекъ небольшой: и весь продашь его—года не проживешь съ достаткомъ, проволочишь его въ бѣдности. Хорошо растеть на свѣжихъ лѣсныхъ росчистяхъ ленъ и конопель; изъ льна можно нитки прясть, холсты и полотно ткать. Вотъ и хорошее подспорье! Около этого дѣла всталъ большой и сильный промыселъ: мало мѣсть въ лѣсной Руси, гдѣ бы не сѣяли льна, не ткали холстовъ и полотень. Но ремесломъ этимъ себя не прокормишь: холсты и полотна упали въ цѣнѣ, ихъ давно мало требуютъ: купцы и ихъ не скупаютъ и не заказываютъ. Ленъ осилила бумага

хлопчатая и льняныя издѣлія сильно подбили бумажныя, потому что эти послѣднія дешевле первыхъ; только въ наши дни подороже стала бумага и то потому, что въ странѣ, гдѣ хлопчатая бумага обильно растетъ, война загорѣлась; поля потоптаны конницей; руки, которыя заняты были сборомъ бумаги, теперь наводятъ другъ на друга пушки и ружья.

Не больше полусотни лѣтъ съ небольшимъ, съ бумагой познакомили насъ англичане. Ткать мы уже умѣли; фабрикъ было много. А развелись фабрики оттого, что законы наши не позволяли ввозить издѣлія заграничныя. Около ста лѣтъ тому назадъ, впервые выпущено было это запрещеніе, чтобы дать возможность выучиться дома дѣлать то, что возили къ намъ изъ иностранныхъ земель. Москва выучилась тому прежде всѣхъ и наживала большія деньги и народа много научила не только изъ ближнихъ мѣстъ, но и изъ самыхъ отдаленныхъ. Сама Москва вскорѣ сгорѣла: въ нее приходилъ французъ. Послѣ француза она долго не могла поправиться. Дѣло ея кончилось тѣмъ, что рабочіе разошлись по своимъ мѣстамъ и унесли туда свою науку. Въмѣсто Москвы стали строиться фабрики по городамъ: сначала въ Серпуховѣ, потомъ въ Суздалѣ, наконецъ въ Шуѣ и въ знаменитомъ селѣ Ивановѣ. Шуйскіе богатые кушцы всѣ вышли изъ крестьянъ того уѣзда. И не только этотъ уѣздъ, но и всѣ сосѣдніе теперь только тѣмъ и занимаются, что выдѣлываютъ миткаль, набиваютъ ситцы, готовятъ тикъ, равендуки. И сколько сильно идетъ въ тѣхъ краяхъ бумажное дѣло, доказываетъ одинъ

купецъ. Онъ съ братьями закупалъ бумаги такъ много, что одной пошлины за нея платилъ казнѣ ежегодно отъ четырехсотъ до пятисотъ тысячъ! Между тѣмъ оправилась Москва. Обжегшись на бумагѣ, она сѣла на шерсть: стала выдѣлывать сукна; рабочий къ этому былъ привыченъ, потому что прежде ткалъ сукна по малости для себя и у себя дома. Вскорѣ Москву поддержала и установила на ногахъ Кяхта и торговля съ китайцами на мѣну: отъ нихъ чай, изъ Москвы бумажные товары, пились и сукна.

Вотъ почему у насъ такая охота на фабрики и вотъ почему около Москвы много фабрикъ и заводовъ. Всѣ они, и фабрики и заводы, большею частью приладились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кончаются лѣса и еще не начались благодарныя, хлѣбородныя земли. Здѣсь служатъ подспорьемъ и рѣки (Ока, Кама и Волга), которыя потекли именно туда, куда всѣ эти товары требуются, гдѣ въ нихъ сильно нуждаются. Здѣсь скорѣе озаботились и постройкою желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, чтобы облегчить сбытъ товаровъ, чтобы не задерживать торговлю, которая любить срокъ и должна дорожить временемъ. Провели чугунокъ отъ Москвы до Питера, отъ Москвы до Нижняго, изъ Москвы до Троицы, отъ Москвы до Рязани и отъ Москвы до хлѣбнаго корня до Колова. Думаютъ класть до Чернаго моря, откуда хлѣбамъ нашимъ легкій и выгодный путь въ иностранныя земли. Здѣсь завелась и торговля, и купцы отсюда идутъ на всю Россію. Стало быть въ фабричныхъ мѣстахъ лѣсныхъ губерній уже не до хлѣбопашества: тамъ фабрики лѣсъ почти весь ис-

требили, и народъ исповадился на другія занятія, выгодныя и барышныя, да и не больно трудныя. Къ ручнымъ работамъ приспособили машинную: еще легче стало; да къ тому же и тканье миткалей—занятіе чрезвычайно легкое. Оттого на него такъ охотно и ударился народъ. Видно лѣсная сторона наша не такая, чтобы можно было только и жить лѣснымъ торгомъ, да лѣсными издѣліями. Гдѣ не завелось фабрикъ, народъ пошелъ для заработковъ на чужую сторону: костромичи ходятъ плотниками и малярами въ столицы и большіе города; всю Сибирь они застроили домами; владимірскіе занялись тѣмъ же и въ подспорье пустились въ извозъ, а изъ трехъ уѣздовъ (Вязниковскаго, Ковровскаго и малой части Суздальскаго) народъ пошелъ заниматься мелкой торговлей: офенями, коробейщиками, разнощиками. Для ихъ торговли у нихъ по сосѣдству съ десяткомъ селъ только и дѣлаютъ, что образа пишутъ; въ другихъ селахъ только тѣмъ и занимаются, что выковываютъ ножи, ножницы, замки изъ стали, серьги, кольца, запонки, пуговицы изъ мѣди, серпы, косы, топоры, долота, слесарныя вещи изъ желѣза. И если гдѣ завелись такія села, то уже и вся окольность думаетъ за единую думу, идетъ за богатыми и капитальными жожаками, какъ овцы въ стадѣ, какъ утки въ стаѣ, какъ гуси въ небѣ. Въ однихъ мѣстахъ, на примѣръ, по Окѣ, всѣ дѣлаютъ гвозди для барокъ. Въ другихъ въ (Ярославской губ.) только удила, скребницы, подковы, стремяна и весь лошадиный приборъ. Подъ Костромой, въ селѣ Красномъ, готовятъ только женскія украшенія: подвѣски, кольца, серьги; въ третьихъ, какъ подъ Москвой, льютъ

изъ стекла бусы, и только бусы; въ четвертыхъ, подѣ Москвой, около города Клина, зеркала во вкусѣ азіатовъ: нашимъ дѣвкамъ такія зеркальцы уже и не нравятся и не покупаются ими. Тамъ, гдѣ въ болотахъ желѣзной руды много, тамъ добываютъ ее сами, разрѣзаютъ въ прутья и перековываютъ потомъ въ гвозди, тамъ всѣ—кузнецы, какъ въ Новгородской губерніи. Гдѣ лѣса богаты пушнымъ звѣремъ, тамъ скорняки; въ однихъ мѣстахъ, какъ около Арзамаса, только заячьи шкуры выдѣлываютъ; въ другихъ, какъ въ Романовѣ, только овечью; въ третьихъ, на примѣръ, въ Галичѣ, всякую. Со скорняжнымъ промысломъ по сосѣдству живетъ и швецовой (портняжей), и шубной; но и тутъ, если шьютъ шубы и полушубки, то уже выдѣлкой сыромятныхъ кожъ не занимаются. Сырую кожу мнутъ въ другихъ мѣстахъ, но и тогда въ однихъ выдѣлываютъ юфть и подошвы, какъ въ Суздалѣ; въ другихъ готовятъ кожу для шлей и хомутовъ, около нижегородскаго Горбатова; въ третьихъ для сапожнаго товара, какъ въ Галичѣ. А съ кожевеннымъ дѣломъ въ сосѣдствѣ сидятъ и сапожники: сапожники въ Кивирахъ на Волгѣ, въ Сарапулѣ на Камѣ. Но всего не перечесть. Ремесленники эти и землю имѣютъ для хлѣбопашества, но не пользуются ею, а отдаютъ въ коротъ, въ наемъ сосѣднимъ крестьянамъ. Потомъ у нихъ же на чистыя деньги покупаютъ хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ. Подмосковныя губерніи въ этомъ всѣ другія перехвастали. Но тамъ, гдѣ меньше фабрикъ и нѣтъ постоянныхъ заказовъ (дальше отъ Москвы къ сѣверу) промышленность крестьянъ служить только пособіемъ для земледѣлія. Большею частью полгода

и, притомъ, въ холодное (осеннее и зимнее) время промышленяють на дому, или въ людяхъ; къ веснѣ возвращаются домой, чтобъ обрабатывать землю. Только тамъ, гдѣ мало полей, занимаются ремесломъ круглый годъ: въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, ткачествомъ; во Владимірской губерніи, въ селахъ: Холуѣ, Мстерѣ, Палѣхѣ и другихъ—иконописнымъ мастерствомъ и такъ далѣе. Точно также и въ отхожихъ промыслахъ многіе уходятъ на цѣлый годъ, какъ горбатовскіе сыромятники изъ Нижегородской губерніи; другіе на многіе годы, какъ Ярославцы, половые и сидѣльцы, рязанскіе Дѣдновцы въ цѣловальники; третьи: какъ бы далеко ни ушли, какъ шубники, которые ходятъ за 700 верстъ, къ веснѣ непременно вернутся домой къ сохѣ и косулѣ. Четвертые и лѣтомъ землю пахутъ, а въ свободные дни все-таки не покидаютъ промысла, какъ горшечники, пряжи и прочіе.

Въ концѣ концовъ въ лѣсныхъ губерніяхъ появились промыслы оттого, что земля не можетъ обеспечивать существованіе жителей. Она требуетъ труда больше, чѣмъ надобится его для ремесла; отъ обработки пашень остается много свободного времени въ году. Природа распорядилась такъ, что гдѣ ей дано меньше времени для подъема произрастеній, тамъ дѣлать это дѣло она поспѣшаетъ, торопится. Въ холодныхъ мѣстахъ, гдѣ все не долго живетъ, все быстро вырастаетъ, спѣшить жить. Въ теплыхъ всякое растеніе, всякой злакъ, все медленно поднимается, жить не спѣшить, но за то и живетъ долго и прочно. Люди принуждены приспособляться къ природѣ, и гдѣ она замретъ отъ зимней стужи—у лю-

дей остается досугъ, свободное время. И чѣмъ дольше спитъ зимнимъ сномъ природа, тѣмъ больше люди промышляютъ о томъ, куда истратить досужее время: тѣмъ охотнѣе они выдумываютъ промыселъ, выучиваются ремесламъ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ установилось все такъ, какъ мы рассказали, оттого, что тамъ земля и много требуетъ ухода, и мало даетъ жатвы, и, недолго служа службу людямъ, скоро отбиваетъ ихъ отъ себя, дѣлаетъ свободными для другихъ занятій на большую половину года.

Извѣстно, что гдѣ промыслы и ремесла, тамъ и мѣста для сбыта: тамъ народъ завелъ рынки, затѣялъ базары, установилъ ярмарки; тутъ родилась торговля и отсюда же по всему лицу Земли русской разбрелись торговые люди. Въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ крупные купцы и мелкіе торговцы—уроженцы лѣсныхъ губерній. Эти губерніи самыя людныя и человѣкъ, который выходитъ отсюда, самый трудолюбивый, изворотливый, смѣтливый. Всѣ эти мѣста можно назвать корнемъ всякаго дѣла, и промышленнаго и торговаго. Мѣста эти расположились всѣ по близости къ Москвѣ, приютились въ ея окрестностяхъ, рѣдко дальше трехсотъ верстъ отъ нея. Бѣлокаменная столица приплась какъ разъ въ серединѣ.

Но уже вблизи Москвы, въ двухъ уѣздахъ Московской губерніи (Рузскомъ и Волоколамскомъ) хлѣбъ, удовлетворяя жителей, остается въ избыткѣ. Промышленность тутъ становится слабѣе. Хлѣбопашество увеличивается, почитается главнымъ занятіемъ. И чѣмъ благодарнѣе становится земля даль-

ше къ югу, тѣмъ охотнѣе отстаютъ народъ отъ побочныхъ занятій, отъ ремесла и промысла. Тотъ и другой пропадаютъ, не ведутся тамъ, гдѣ земля—черноземъ и требуетъ удобренія въ пять, а дальше въ десять лѣтъ одинъ разъ. Такія мѣста начинаются сейчасъ за Окой, которая отдѣлила лѣсную полосу отъ черноземной. Лѣса, которые идутъ дальше, уже не такъ велики и красивы, и притомъ ихъ такъ немного, что безлѣсныя пространства берутъ верхъ. Но если перевалиться отъ Москвы за Тулу, или за Калугу, или за Рязань, и направляться или на Кіевъ, или на Воронежъ, лѣсовъ уже такъ мало, что они кажутся рѣдкостью. Въ давныя, незапамятныя времена царствовали они здѣсь во всю силу; люди вырубили ихъ, а природа приготовила перегной или ту почву, которая въ изобиліи возвращаетъ рожь, ленъ, коноплю. Куда ни кинешь взглядъ, вездѣ встрѣчаетъ онъ неоглядныя поля, непрерывныя пашни. Чернымъ пластомъ лежитъ поднятый для пашень сочный черноземъ, черною пылью бросается вѣтеръ. Лѣнливо бѣгутъ небогатыя водой рѣки, прорѣзаясь въ мягкой землѣ и обставляясь невысокими обрывистыми и обсыпчивыми берегами. Ровною гладью лежатъ во всѣ стороны воздѣланныя поля и желтѣютъ спѣлыя пашни. Глазу не мѣшаютъ горы: кругомъ равнины. Горы на этихъ мѣстахъ только пригорки, холмы; лѣсные глубокіе овраги, недопускающіе на дно свое лучей солнечныхъ, здѣсь только ложбины, по которымъ весной катятся потоки; лѣтомъ дно ихъ такъ же сухо, какъ сухи и всѣ покатости. Древесная растительность на бѣольшую часть встрѣчается чаще въ видѣ искусственно и нарочно разведенныхъ

садовъ, и притомъ сады эти фруктовые; на свѣжемъ воздухѣ, безъ большихъ усилій и безъ особеннаго труда растутъ въ нихъ яблоки до 50 сортовъ, груши, бергамоты, вишни, черешня и сливы; а дальше, гдѣ давно уже земля поднимаетъ пшеницу, разводять даже виноградъ (на Дону, въ Малороссіи). На мѣсто огородовъ встаютъ цѣлыми полями бахчи съ дынями и арбузами; на мѣсто непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ являются неоглядныя травяныя степи. На мѣсто высокихъ домовъ, какими высятся и красятся лѣсныя селенія, здѣсь сначала утлыя низенькія бревенчатыя хаты, а потомъ и вездѣ уже глиняныя мазанки. На сѣверѣ лѣсъ ни почемъ и идетъ онъ въ обиліи на изгороди и заборы, которые служатъ и за пустуха, и за хозяина; на югѣ пастушество—ремесло, а топливомъ дорезать больше, чѣмъ въ лѣсныхъ мѣстахъ тепломъ самымъ. Тамъ не щадятъ для топлива и дуба, и березы, у которыхъ есть лучшее, болѣе стоящее ихъ примѣненіе; здѣсь, за недостаткомъ лѣса, для освѣщенія зимой, вмѣсто лучины, употребляютъ коноплю; вмѣсто березовыхъ дровъ пускаютъ для топлива кизякъ — животный калъ, смѣшанный съ соломою. Земля сдѣлалась мягче. Соху смѣнилъ плугъ. Вмѣсто лошади, работаетъ волъ. Здороваго мужика, который въ лѣсныхъ мѣстахъ поднимаетъ землю на крѣпкой лошади, въ степныхъ замѣняютъ маленькіе ребяташки, которымъ бороньба земли въ забаву.

За городами: тамбовскимъ Козловымъ, тульскимъ Ефремовымъ, орловскими: Ельцомъ, Ливнами и Орломъ и Курскомъ черноземная полоса смѣняется той

полосой, которая называется полосою пшеницы. Города эти обставились мельницами, обзавелись купечествомъ, разбогатѣли, стали рынками, стали приѣмными мѣстами, складами для пшеницы. Въ городахъ этихъ готовится крупчатка (лучшій сортъ крупчатка елецкая); въ нихъ свозится гужомъ (на лошадяхъ) вся та пшеница, которая выросла въ благословенной сторонѣ Малороссіи и назначена для Россіи. Сама Малороссія тутъ уже близко. Началась она отъ смоленскихъ и бѣлорусскихъ болотъ и трясинъ, подошла къ нѣмецкой границѣ и безпредѣльнымъ степямъ Новороссіи, къ черноземнымъ землямъ, омываемымъ тихимъ Дономъ и населеннымъ казаками. На Воронежѣ она кончилась и на сѣверъ легла въ сосѣдствѣ и смежности съ тѣми самыми южными мѣстами Великой Россіи, гдѣ начинаютъ сѣять пшеницу и почти вовсе не сѣютъ ржи.

Сѣютъ пшеницы нѣсколько видовъ: осенью — озимую, которая поспѣваетъ въ десять мѣсяцевъ, весною — въ апрѣлѣ или мартѣ — яровую. Сѣютъ еще кубанку или арнаутку, которая считается лучшимъ сортомъ пшеницы. Изъ пшеничной муки пекутъ хлѣбъ, который питаетъ лучше ржаного; а такъ какъ, несмотря на то, послѣдній въ бόльшемъ почетѣ, то пшеницу нашу везутъ на знатоковъ и любителей за границу. Везутъ ее малороссы-чумаки на водахъ къ пристанямъ на моряхъ Азовскомъ и Черномъ, гдѣ берутъ ее на корабли и везутъ въ иностранныя земли. И хотя полоса пшеницы меньше полосы ржи, однако рождается ея столько, что три приморскіе города: Одесса на Черномъ морѣ, Таганрогъ на

Азовскомъ и нѣмецкій городъ Данцигъ при балтійскомъ морѣ сдѣлались и людными, и торговыми. Всѣ три на русской пшеницѣ разбогатѣли: Одесса въ *пятидесять* лѣтъ выросла такъ, какъ другіе города не вырастаютъ и въ *пятьсотъ* лѣтъ.

Пристани по Волгѣ, куда свозятъ изъ ближнихъ мѣстъ пшеницу, для отправки ея на судахъ по водѣ до Петербурга (тоже отчасти за границу), выросли такими богатырями, что Самара сдѣлалась однимъ изъ богатыхъ губернскихъ городовъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ; въ Царицынѣ понадобилась желѣзная дорога до Дона; городъ Волочокъ кажется лучше многихъ губернскихъ; село Балаково глядитъ красивымъ городомъ; село Лысково во сто разъ богаче и краше своего начальника—горемычнаго уѣзднаго городишка Макарьева; а Промзино Городище на Сурѣ, по которой плаваютъ хлѣбъ въ Волгу, послѣ сильнаго пожара, въ два года выстроилось еще лучше и краше. То же случилось и съ Моршанскомъ, городомъ Тамбовской губерніи, въ которомъ мельница на Мокшѣ-рѣкѣ, о 23 поставахъ, больше и лучше всѣхъ мельницъ въ Россіи; она перемалываетъ до тысячи четвертей въ сутки, и выстроена каменною, двухъэтажною. Мука здѣшняго размолы идетъ по Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ на баркахъ и гужомъ, притомъ исключительно для первопрестольной столицы. А гдѣ складъ пшеницы, тамъ и размоль, тамъ и рынокъ; а гдѣ торговля, тамъ и кулакъ—хлѣбный барышникъ. Вотъ и промыселъ ходкій и выгодный, но прилачился онъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хозяева-заказчики не ведутъ прямыхъ сношеній съ крестьянами-поставщиками и вездѣ

сунулся такъ, что крестьянское дѣло всегда въ накладѣ, купеческое дѣло всегда въ барышѣ.

Благодатная хлѣбная сторона (въ которой мало чѣмъ другимъ и занимаются, кромѣ того, что воздѣлываютъ землю, торгуютъ хлѣбомъ, перевозятъ его) идетъ въ ширину отъ Оки до травяныхъ новороссійскихъ степей, а въ длину отъ малороссійской грани съ иностранными землями, Австріей и Турціей; въ Малороссіи лучшими мѣстами располагается по берегамъ трехъ большихъ рѣкъ (Буга, Днѣстра и Днѣпра) съ притоками ихъ, перерѣзаетъ травяныя степи. Останавливаясь на песчаныхъ пустыняхъ подлѣ Азовскаго моря огромнымъ клиномъ, большимъ полуостровомъ о-бокъ Азовскаго моря врѣзается, черезъ Перекопъ, въ Черное море. Это—Крымъ, самый цвѣтушій, самый благодатный край во всей Россіи, гдѣ Севастополь—самая большая бухта (защищенная и лучшее мѣсто для стоянки кораблей) изъ всѣхъ бухтъ, какія имѣются въ цѣлой Европѣ; здѣсь же и южный берегъ съ очаровательными садами, очаровательнымъ и цѣлебнымъ климатомъ, нашъ единственный русскій рай земной.

Изъ Малороссіи хлѣбная сторона подошла къ Дону, расположилась вдоль всего его средняго и низоваго теченія, перешла на Волгу и легла на ней до степей саратовскихъ. Идя по длинѣ своей, хлѣбная сторона ушла за Волгу, подтянулась къ Уралу-рѣкѣ, легла по его среднему теченію. За Ураломъ полоса пшеницы осѣклась на безплодной пустынѣ киргизскихъ степей. На югъ хлѣбородная и черноземная земля уходитъ въ травяную степь, которая идетъ

до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣтится съ солончаковой почвой. Солончаки эти побѣждаютъ ее, обезсиливаютъ, берутъ верхъ въ низовыхъ теченьяхъ вблизи рыбныхъ устьевъ рѣкъ Урала и Волги; на устьяхъ солончаки встрѣчаются съ песками. Песчаная, мертвая пустыня залегла за тѣмъ на всемъ огромномъ пространствѣ между рѣками Ураломъ и Волгой, подошла къ Каспійскому морю. Вблизи послѣдняго лежатъ и тѣ рынь-пески, которые почитаются ядромъ всѣхъ песковъ, обездолившихъ побережья моря съ сѣвера, съ запада почти до половины моря и съ востока во всю длину его. Сыпучее, непроходимое песчаное море, неоглядной и совершенно безлюдной пустыней ушло къ Аральскому (до половины русскому) морю и прекратилось тамъ, гдѣ начались границы Персидскаго государства.

Въ песчаной степи нѣтъ уже никакой растительности; она не орошается ни однимъ источникомъ и носить видъ совершенной пустыни уже и потому, что лежитъ впустѣ. Человѣку и животнымъ нечѣмъ питаться и невозможно жить: лѣтомъ жары, а зимою морозы доходятъ до крайностей; тѣ и другіе одинаково сильны и ужасны. Стужа увеличивается еще тѣмъ, что сѣверные вѣтры дуютъ изъ Сибири свободно и вырастаютъ на степи въ мятели или бураны, объ ужасѣ которыхъ небывавшіе тамъ и понятія имѣть не могутъ. Лѣтніе жары увеличиваются еще тѣмъ, что степи не могутъ привлекать облаковъ; на нихъ не попадаетъ ни капля дождя во все время, какое запомнятъ люди. Только тамъ, гдѣ пустыня пропитана силою, какъ въ нашихъ киргиз-

скихъ степяхъ, она покрывается на огромныхъ пространствахъ солончаковыми растеніями и колючками разныхъ родовъ и видовъ. Колючки эти любятъ некрасивый верблюдъ. На солончаковыхъ растеніяхъ охотно ведутся и плодятся бараны. Вблизи кое-какихъ источниковъ вырастаетъ трава для лошадей. Вотъ и въ этой пустынѣ скоро найдется мѣсто для человѣка, особенно когда, время отъ времени, начинаютъ появляться, какъ острова на морѣ, плодоносныя мѣста въ степи, называемыя оазисами. На оазисахъ растутъ и трава, и деревья, просачивается вода на поверхность земли источниками и селится человѣкъ-степнякъ. Это—суровый разбойникъ, кровожадный и хищный, какъ и тѣ звѣри, съ которыми онъ живетъ по сосѣдству: тигръ, барсъ, волкъ, шакалъ, гіена. Степнякъ живетъ грабежомъ, угоняя стада лошадей у сосѣдей и препятствуя торговлѣ: гордиться всѣмъ этимъ и искренно презираетъ всѣ тѣ народы, которые живутъ трудомъ. Торговля по степямъ идетъ караванами мимо; караваны состояются изъ верблюдовъ; на горбахъ животныхъ этихъ привязываютъ вьюки съ кладью. Только одинъ верблюдъ и можетъ служить въ степяхъ на всякое дѣло, и потому, что онъ выносливъ и силенъ, и потому, что у него подлѣ горла вырастаетъ мѣшокъ, въ которомъ онъ можетъ оставлять про запасъ воду; желудокъ же его настолько терпѣливъ, что варитъ всякую колючую скверну. Безъ этого животнаго пустыни были бы недоступны для человѣка и верблюдъ справедливо называется всѣми народами «кораблемъ пустыни». И въ конецъ забросили бы пустыни люди, если бы не было на нихъ и другихъ

приманокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ обильно мѣшается съ солончаковой почвой, появляются цѣлыя озера мелкія, но обширныя, съ водою, но соленой. Прѣсныя частицы воды этой испаряетъ жгучее солнце: оставшаяся вода густѣетъ и осаждаетъ на дно соль. Соль эта солонѣ той, которую вывариваютъ еще изъ морской воды; соль эта, при сильныхъ жарахъ, поднимается въ озерахъ на поверхность и озеро кажется какъ бы покрытымъ льдомъ и снѣгомъ. Остается только колоть эту соль, какъ тотъ же ледъ, и возить въ продажу. Много такихъ озеръ расположилось въ песчаной степи вблизи Каспійскаго моря и между ними озеро Елтонъ — самое большое и извѣстное, и озеро Индербъ, вблизи рѣки Урала, солью котораго солится вся тамошняя знаменитая рыба. Много соляныхъ озеръ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ травяныя новороссійскія степи сошлись съ пустынными песками морей Азовскаго и Чернаго. Чумаки, которые свозятъ туда хлѣбъ изъ Малороссіи, возвращаются домой изъ Крыма съ солью.

И вотъ, выйдя изъ безплодныхъ пустынь, обиженныхъ и въ концѣ раззоренныхъ суровымъ сѣвернымъ климатомъ, Россія опять вошла въ пустыни, также безплодныя, но обездоленные безпощаднымъ жгучимъ солнцемъ и лежація въ неблагопріятныхъ южныхъ мѣстахъ. Та и другая пустыня, и холодная, и жаркая, мало населены: въ той и другой коренной народъ кочуетъ, не сидитъ долго на мѣстѣ, не строитъ постоянныхъ жилищъ; на сѣверѣ онъ дѣлаетъ ихъ изъ жердей, оленьихъ шкуръ и бересты; на югѣ —

изъ жердей и войлока; тамъ чумы и юрты, здѣсь—кибитки. Тамъ безъ оленя человѣкъ жить не можетъ, и съ нимъ влачить долгіе годы; здѣсь—онъ съ коня не слѣзаетъ и съ конемъ кочуетъ; здѣсь оленя замѣнилъ верблюды, безъ котораго, какъ тамъ безъ оленя, жизнь кочевыхъ народовъ представить себѣ невозможно. На сѣверѣ мертвая бесполезная тундра и мохъ; на югѣ сыпучіе пески, переносимые по волѣ вѣтра съ мѣста на мѣсто и на нихъ кое-гдѣ колючки. Торговый человѣкъ тутъ и тамъ является временно: тамъ пушнаго звѣря, съ мягкой красивою шерстью, онъ беретъ охотно; здѣсь такой звѣрь ведется, но съ такими жесткими пухомъ и волосомъ, что купецъ его беретъ не охотно. Тамъ стада оленей, здѣсь стада барановъ; но тутъ и тамъ идетъ торговля на мѣну, а не на чистыя деньги, и сѣверный кочевникъ и южный степнякъ настоящей цѣны деньгамъ не даютъ и не понимаютъ. Оба живутъ раскиданно, оба живутъ какъ животные, и какъ люди могутъ жить только тогда, когда у одного не будетъ тундры, у другаго—степи, не будетъ у обоихъ подъ ногами пустыни, надъ головою одного—постоянно дождливаго неба; надъ головою другаго—постояннаго бездождья и сухости въ воздухѣ.

Обѣ пустыни эти помѣшали и всему отечеству нашему стать такимъ, какимъ бы оно могло быть, когда бы и съ той и другой стороны примыкало оно къ гостепріимнымъ морямъ или къ образованнымъ сосѣдямъ. Сѣверное море на короткое время доступно для сообщенія, но и тогда плаваніе затрудняютъ туманы. Каспійское море, открытое для плаванія въ сѣверной половинѣ на семь мѣсяцевъ, а въ

южной части круглый годъ, на бѣду, обложилось пу-
стырями и применило южнымъ берегомъ къ такой
странѣ, съ которою большихъ дѣлъ не затѣешь, для
образованія ничего не вывезешь. Персія спитъ крѣп-
ко и непробудно — знаютъ все, а другіе говорятъ,
что она уже совсѣмъ умираетъ. Умираетъ и тотъ
народъ, сосѣдями съ которымъ дѣлаетъ Россію Чер-
ное море: это турки. Но Черное море въ то же время
соединяется рядомъ небольшихъ морей (Мраморна-
го и Архипелага) съ Средиземнымъ моремъ и Атлан-
тическимъ океаномъ. А на берегахъ этихъ морей
лежатъ тѣ государства, которыя почитаются самы-
ми главными и самыми образованными въ цѣломъ
свѣтѣ.

Къ Черному морю идетъ наклономъ вся та часть
Россіи, которая справедливо почитается хлѣбород-
ною. Сначала холмистая, и нерѣдко покрытая лѣса-
ми, черноземная; отъ рѣки Оки до границъ малорос-
сійскихъ губерній страна, съ избыткомъ воздѣлы-
вающая ленъ и конопель, и сдѣлавшая этими про-
дуктами въ сѣменахъ и пенекѣ городъ Ригу (при
Балтійскомъ морѣ) однимъ изъ богатѣйшихъ горо-
довъ русскихъ. За этой страной — подстепьемъ —
потянулась ровная, гладкая, благословенная равни-
на Малороссіи, сплошь засѣянная пшеницей и въ луч-
шихъ мѣстахъ кукурузой, или такъ называемой ту-
рецкой пшеницей. Малороссійская хлѣбная степь
соединилась съ настоящею степью травяною или
равнинами, на которыхъ растетъ только трава, со-
всѣмъ уже нѣтъ лѣса и очень мало воды.

Степи травяныя, называемыя новороссійскими,

примкнули къ Черному морю, нѣкогда служили соблазномъ для кочевыхъ народовъ, которые валились сюда изъ дальнѣйшей Азіи съ большими стадами домашняго скота, питались ихъ молокомъ и мясомъ, одѣвались въ ихъ шкуры. Къ нимъ придвигались другіе народы, стоняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, въ свою очередь стоняемы были новыми народами, которые прикочевывали сюда изъ внутреннихъ азіатскихъ степей. Сюда же, далеко послѣ великаго переселенія народовъ, уходили вольные русскіе люди, образовали разбойничьи шайки: здѣсь завелось казачество. Когда весь край, меньше ста лѣтъ тому назадъ, завоеванъ былъ отъ турокъ вмѣстѣ съ Крымомъ (при Екатеринѣ Второй), стали выселяться русскіе люди изъ всѣхъ тѣхъ черноземныхъ мѣстъ, гдѣ отъ накопленія народа стало жить тѣсно. Скоро всѣ благодатныя мѣста Новой Россіи, или Новороссіи, населились осѣдлымъ народомъ; кочевники скоро исчезли, превратившись въ пахарей; завелись большіе города, а съ ними явилась надежда и на то, что дикія степи современемъ сдѣлаются такими же воздѣланными странами, каковы Малороссія и подстепье. Отъ прежняго кочеваго быта осталось теперь только то, что степныя травы по прежнему воспитываютъ отличныя породы рогатаго скота. Изъ нихъ трудолюбивый, терпѣливый и необыкновенно сильный волъ является важнымъ товарищемъ и неоцѣненнымъ помощникомъ человѣка на лугахъ и пашняхъ; изъ шкуры, на старости даетъ сыромятную кожу, въ молодости—опоекъ, изъ костей—клей и уголь, которымъ очищаютъ сахаръ-рефинадъ. Въ сѣверныхъ странахъ волъ худо ведется; въ южныхъ онъ

составляет выгодный предмет торговли: отработав полевую службу, волъ идетъ на мясо. Стада ихъ подъ именемъ черкаскаго скота, гонять гуртами все отсюда, изъ степей малороссійскихъ и новороссійскихъ. Вмѣстѣ съ воломъ разводится тамъ же баранъ, ростъ и тучность котораго человекъ, при пособіи степи, умѣлъ увеличить искусствомъ своимъ и умѣньемъ. Онъ же довелъ овечью шерсть до высокой доброты и необыкновеннаго разнообразія. Ткани изъ овечьей шерсти удовлетворяютъ различнымъ потребностямъ людей: сало идетъ на свѣчи, шкура даетъ сафьянъ, изъ мѣха въ сѣверныхъ холодныхъ мѣстахъ шьютъ зимнюю одежду; здѣсь, въ южныхъ степныхъ и теплыхъ мѣстахъ, баранъ является предметомъ необыкновенно сильной и обширной торговли. Саломъ снабжаемъ мы многія заграничныя земли; имъ живутъ многіе приморскіе города: Петербургъ, Рига и другіе; шерсть породила сильныя ярмарки: въ Харьковѣ (троицкую), въ Полтавѣ (ильинскую), и въ другихъ городахъ Малороссіи. На баранахъ разбогатѣли уральскіе казаки и живутъ на счетъ этого же животнаго многіе города и села приволжья. Овцеводство въ травяныхъ степяхъ самый важный и самый главный промыселъ. Сверхъ того, наши степи воспитываютъ многочисленныя табуны лошадей и Россія владѣетъ лучшими породами этихъ животныхъ, для которыхъ опять-таки всѣ ярмарки установились поблизости степныхъ мѣстъ. Между ними тамбовскій городъ Лебедянь и Курскъ (коренною ярмаркою) пользуются большою извѣстностью. Въ степяхъ у кочевниковъ кобыла даетъ молоко, изъ котораго татары, киргизы и калмыки,

приготовляютъ цѣлебный и здоровый (говорятъ, отъ чахотки) напитокъ, извѣстный всюду подъ именемъ кумыса.

Всѣ эти нѣкогда дикія животныя сдѣлались теперь ручными и домашними: изъ дикаго и свирѣпаго буйвола выродился волъ, изъ смѣлаго, проворнаго и сильнаго барана, который бродить по горамъ, въ степяхъ сталъ баранъ домашній, извѣстный своею бараньей кротостью, овечьимъ смиренствомъ. Изъ дикаго кабана, который до-сихъ-поръ свирѣпо рыскаетъ въ болотистыхъ мѣстахъ при устьяхъ южныхъ русскихъ рѣкъ, покрытыхъ камышами, выродилась домашняя свинья. Въ степныхъ мѣстахъ свинья достигаетъ необыкновенныхъ размѣровъ; въ Малороссіи она въ большомъ почотѣ и лучше и яснѣе всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ свидѣтельствуешь о благосостояніи страны и жителей. Справедливо замѣчено, что тамъ, гдѣ крестьяне бѣдны, а земля неплодна, свинья мелка тѣломъ и мала ростомъ. Свинымъ саломъ и щетиной малоросійскія ярмарки торгуютъ также въ изобиліи.

Но вотъ, какъ мы сказали, степь травяная встрѣтилась съ солончаками. Селенія стали рѣдки; они жмутся только къ рѣкамъ, да на тѣхъ мѣстахъ, которыя указало правительство для своей цѣли, и жалуются на недостатокъ воды, на нездоровый воздухъ, живутъ только для того, чтобы исполнять казенныя работы, возять почту, держать военную стражу. Стада пасутся въ небольшомъ числѣ; города, которые выстроены по близости, не ведутъ дѣлъ въ окрестностяхъ и приладить ихъ тамъ не могутъ.

Лучше другихъ живутъ тѣ изъ городовъ, у которыхъ есть возможность пользоваться благимъ и корыстнымъ сосѣдствомъ съ моремъ: Гурьевъ и Астрахань живутъ рыбнымъ промысломъ. Гурьевъ къ морскому промыслу приладилъ степной—торговлю баранами; Астрахань пользуется тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, что черезъ нея идетъ торговля съ Персіей и Закавказскимъ краемъ.

Но тамъ, гдѣ солончаки вывѣтрились въ сыпучія песчанья пустыни и степная трава переросла въ камышъ, жизнь исчезаетъ: нѣтъ селеній, нѣтъ ничего, кромѣ скитальцевъ изъ животнаго царства. Между ними опять комары и оводы на животныхъ; саранча (пѣшая и летучая) на хлѣбныя поля и нивы несчетными тучами вылетаетъ изъ этого мѣсто-рожденія своего, изъ этихъ глухихъ и страшныхъ камышей. Камыши, солончаковая почва и пустыни съ переносными песками отдѣлили отъ травяной новороссійской степи благодатный Крымъ. Солончаки по другую сторону Азовскаго моря и пустыри съ горькими водами и мертвенной растительностью отдѣлили отъ донскихъ и саратовскихъ степей снова плодородныя предгорія Кавказа.

Кавказъ уже страна иная, совершенно новая: страна горная. По ту сторону Кавказскихъ горъ мы находимся уже въ настоящей Азіи. По сю сторону Кавказскихъ горъ мы стоимъ въ глубинѣ тѣхъ странъ, гдѣ свободно растетъ виноградъ, гдѣ воздухъ такъ тепелъ, что воспитываетъ самые нѣжные фрукты и самыхъ нѣжныхъ насѣкомыхъ—шелковичныхъ червей (въ Моздогѣ, Шемахѣ и др.)

Кавказъ почитается родиною многихъ домашнихъ животныхъ; онъ далъ свое имя всѣмъ тѣмъ племенамъ, съ бѣлою кожею, съ правильными окладами лицъ, которыя населили Европу и къ числу которыхъ относятся и такъ называемыя славянскія племена. Между послѣдними мы, русскіе, занимаемъ числительностью своею самое главное мѣсто. Состоя изъ трехъ главныхъ племенъ: великорусскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго, населяемъ всю ту равнину къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ до Ледовитаго моря, о который мы коротко рассказали. Съ востока эту русскую равнину отдѣляютъ другія горы, Уральскія, за которыми легла иная русская страна—Сибирь. Съ запада Россія примыкаетъ къ большому морю—Балтійскому и опять къ горнымъ хребтамъ Карпатскимъ.

Итакъ, о горахъ.

Кавказскія горы заслоняютъ Россію отъ жгучихъ, знойныхъ и сухихъ вѣтровъ жаркой Азіи. Уральскія горы защищаютъ ее отъ сибирскихъ холодныхъ вѣтровъ, и не будь этихъ горъ, Россія имѣла бы такой же климатъ, какъ и холодная, суровая Сибирь.

Высокія горныя вершины останавливаютъ на себѣ вѣтры и, привлекая къ себѣ приносимые вѣтрами туманы съ морей, часто покрыты облаками. На горныя вершины падаетъ много дожда и снѣга. На вершинахъ высокихъ горъ скопляется огромное количество льда. Эти ледники таютъ, образуютъ потоки, ручьи. Ручьи, стекая внизъ, въ долины, образуютъ рѣки и озера. Горныя рѣки быстры, съ необычайнымъ ревомъ мчатся онѣ по камнямъ, какъ на Кавказѣ Терекъ, и всѣ въ началѣ теченія своего обра-

зуютъ пороги и водопады; рѣки эти дико красивы, но неудобны для судоходства. Ихъ умѣряютъ только степи, по которымъ текутъ онѣ съ меньшей быстротой и большей глубиной, какъ тотъ же бѣшеный Терекъ на Кавказѣ, Кура въ Закавказьѣ, Уралъ на восточномъ краю Россіи, Печора на сѣверномъ.

Въ гористыхъ странахъ (на Кавказѣ, но не на Уралѣ) горные ледники накапливаются въ огромныхъ массахъ на горныхъ вершинахъ. Лѣтомъ отъ солнечнаго жара они начинаютъ таять и производятъ иногда страшныя наводненія. Очень часто большія глыбы льда и снѣгу просто подтаиваютъ снизу и всей своей массой валятся въ долины, ломаютъ лѣсъ, рушатъ попадающія на пути селенія (черкесскіе аулы). Это—лавины. Завалы отъ снѣговъ Казбека въ нѣкоторые годы бываютъ такъ велики, что останавливаютъ бѣшеный и сильный Терекъ (рѣку, текущую отъ подошвы того же Казбека). Нѣсколько недѣль (въ рѣдкіе годы), нѣсколько дней (ежегодно) онъ долженъ прорываться всей массой скопившихся водъ, чтобы пробить себѣ путь. Военно-грузинская дорога—это одно изъ новыхъ и нашихъ чудесъ свѣта, служащая путемъ сношеній Россіи съ Закавказьемъ, на все время заваловъ дѣлается недоступною и непроходимую.

Кавказъ идетъ отъ одного моря—Чернаго (отъ устья р. Кубани) до другаго моря—Каспійскаго, въ которое врѣзается гористымъ полуостровомъ—Апшеронскимъ, и проходитъ дномъ самаго моря, образуя цѣлый рядъ высокихъ и скалистыхъ острововъ. Длина хребта равняется почти полутора тысячамъ

версть, ширина немногимъ больше полутора ста версть.

Возьмемъ самыя высокія вершины хребта, каковы: Казбекъ (около 4 версть съ половиной высоты) и Эльборусъ (около пяти версть въ высоту) и будемъ приближаться къ нимъ отъ предгорій хребта. Внизу, у самой подошвы Кавказскаго хребта, растутъ вѣчнозеленые кусты, родится вкусный и сладкій, дикій виноградъ, каштаны, дикія сливы, груши и яблоки; лежатъ роскошныя долины счастливой Грузіи. Вся она представляетъ огромный садъ. Выше — скаты горъ все еще покрыты сочными травами и усыпаны стадами барановъ, которые находятъ здѣсь богатую пищу. Тутъ живутъ такія племена, которыя ведутъ мирную пастушескую жизнь. Дальше начинаются лѣса, сначала лиственничные и, между ними, чинара роскошнѣе всѣхъ; потомъ хвойные, между которыми попадаются ель, сосна и пихта и проскользаетъ береза. На этихъ высотахъ селится отважный горецъ, извѣстный у насъ подъ неправильнымъ общимъ именемъ черкеса. Надъ горными пропастями, вблизи бѣшеныхъ источниковъ, разбросали свои селенія, или аулы: лезгины, чеченцы, кабардинцы, абадзехи и всѣ мелкія племена, въ настоящее время въ конецъ замиренныя. На красотахъ и воздухѣ своихъ горъ, они выучиваются быть отважными и дѣятельными, любить ее такъ, какъ лучше и больше ихъ никто уже на свѣтѣ родину свою не любитъ и стоять за милыя и родныя горы съ такимъ отчаяніемъ, какого не умѣли показать ни одинъ изъ другихъ народовъ цѣлаго міра.

На Казбекѣ и Эльборусѣ хвойные лѣса чѣмъ вы-

ше поднимаются, тѣмъ мельче становятся, потомъ переходятъ въ кустарникъ, наконецъ замѣняются можжевельникомъ. Можжевельникъ ползетъ въ высоты, наклоняясь къ землѣ, цѣпляясь за скалы и со-всѣмъ исчезаетъ тамъ, гдѣ горныя высоты устилаются скалами, холоднымъ камнемъ. На нихъ ползетъ уже мохъ; потомъ пропадаетъ и онъ; вершины хребтовъ глядятъ голышами, а на голышахъ, выше, намерзъ уже ледъ, налетѣлъ снѣгъ—вѣчный, не-тающий, который осыпается черезъ десятки лѣтъ цѣликомъ, и тотчасъ нарастаетъ на новые десятки лѣтъ снова.

Такимъ образомъ высокія горы въ Кавказскомъ хребтѣ повторяютъ намъ всѣ тѣ виды на шести верстахъ, за какими слѣдили мы до-сихъ-поръ на пространствѣ всей Россіи почти въ три тысячи верстъ!

Въ послѣдній разъ возвращаемся къ горамъ Кавказскимъ для того, чтобы сказать, что изъ подошвы нѣкоторыхъ изъ нихъ бьютъ цѣлебные источники: одни даютъ воду горячую какъ кипятокъ, другіе—теплую, третьи—холодную какъ ледъ. Но тѣ и другіе и третьи выходятъ на поверхность земли смѣшанными съ сѣрой, съ желѣзомъ, со щелочами; нѣкоторые (кислыя воды—Нарзанъ) пѣнятся пузырьками, какъ шипучія вина, какъ крѣпкій медъ или квасъ. Воды эти во многихъ болѣзняхъ даютъ исцѣленіе: больные пьютъ ихъ какъ лекарство, купаются въ нихъ, какъ въ цѣлебныхъ ваннахъ. Въ окрестностяхъ Пяти горъ, расположившихся по сую сторону главнаго Кавказскаго горнаго кряжа, ближе къ Россіи, вышло такое количество разнообразныхъ цѣлебныхъ источниковъ, какое въ Европѣ раз-

бросано по многимъ государствамъ. Одна гора Машука, у подошвы которой раскинулся городъ Пятигорскъ, даетъ до пяти ключей различной теплоты и приносящихъ различную пользу. Пятигорскія воды почитаются на всемъ Кавказѣ главными и посѣщаются чаще другихъ кавказскихъ цѣлебныхъ или минеральныхъ источниковъ.

Попадаются цѣлебные источники и при подножіи горъ другаго горнаго русскаго хребта—Уральскаго, но уже не въ такомъ числѣ и не такого достоинства. Въ Уральскихъ горахъ лежатъ другія богатства, какихъ нѣтъ вовсе въ Кавказскомъ хребтѣ, и мало найдется такого обилія горныхъ богатствъ въ другихъ горныхъ краяхъ цѣлаго свѣта.

Уральскія горы богаты рудами всякаго рода и вида. Въ нихъ находятъ самыя дорогіе металлы, называемые также благородными и драгоценными, какковы: золото, серебро и платина. Цѣлыя горы пропитаны мѣдной рудой, изъ которой добывается желтая и красная мѣдь, въ связи съ цинкомъ образующая бронзу. Но главная и самая важная особенность этихъ горъ, это—необычайное богатство въ нихъ самаго важнаго минерала въ народной промышленности: разныхъ сортовъ руды желѣзныя и обиліе желѣза. Напримѣръ, въ тагильскихъ заводахъ Демидова на одной площади въ 50 верстѣ находится девять заводовъ, которые ежегодно вырабатываютъ 300 тысячъ пудовъ желѣза, 60 тысячъ мѣди. Кромѣ того, въ одинъ годъ промыто 29 пудовъ золота и 113 пудовъ 3 фунта платины. Изъ уральскаго желѣза готовится въ наше время лучшая сталь

изъ всѣхъ сортовъ, извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ. Въ Уральскихъ горахъ находятся и тѣ самоцвѣтные камни, которые называются благородными и за высокую цѣну въ продажѣ—драгоцѣнными; таковы: алмазы, рубины, изумруды, яхонты. Обиліе ихъ въ нашихъ горахъ производить зависть въ иностранцахъ. Богатство металловъ, цвѣтныхъ камней и минераловъ, доставило холодной, мало населенной Сибири извѣстность и славу въ самыхъ отдаленныхъ странахъ земнаго шара. Съ нашей Сибирью, самоцвѣтными камнями и богатствомъ золота соперничаютъ только двѣ страны въ Америкѣ: Бразилія и Калифорнія.

Кромѣ Уральскихъ горъ, въ Россіи есть еще горы Кузнецкія и Барнаульская, или хребетъ Саянскій, въ западной Сибири; Яблоновой или Становой хребетъ въ восточной Сибири. Въ тѣхъ и другихъ находятъ цвѣтные камни, въ тѣхъ и другихъ вымываютъ золото, выплавляютъ серебро, свинецъ, мѣдь и желѣзо. Въ хребтахъ на Камчаткѣ (въ самомъ дальномъ углу Сибири) существуютъ 28 такихъ горъ, или сопокъ, которыя бросаютъ изъ себя грязь. Происходитъ это отъ дѣйствія подземнаго огня, который во многихъ горахъ выходитъ изъ вершинъ горъ самъ, въ видѣ огненнаго столба, и льетъ густыя огненные рѣки. Но такихъ горъ у насъ нѣтъ.

Вездѣ на горахъ этихъ, при мѣстахъ рожденія всякой руды, выстроились заводы, принадлежащіе казнѣ и частнымъ лицамъ. Вездѣ въ мѣстностяхъ этихъ народъ находитъ заработокъ въ горныхъ работахъ и всегда эти мѣстности называются по книжному: областями горнозаводской промышленности.

На нихъ кончилась Великая Россія на востокъ, сибирская сторона на югъ.

До нынѣшняго года владѣли мы въ Сѣверной Америкѣ большой страной населенной эскимосами и краснокожими индѣйцами; безпривѣтна и безжизненная земля эта, не лучше нашихъ мертвыхъ тундръ, и народы тамъ живутъ не краше нашихъ лопарей и самоѣдовъ. Разница та, что народы эти не сталкивались съ европейцами и оттого никому не подчинялись. Не подчинялись еще колоши, но зато алеуты, кадьяки, кенаинцы, чукчи и аляскайцы были вполне подвластны россійско-американской компаніи, учрежденной при императорѣ Павлѣ. Компанія ловила этими народами пушныхъ звѣрей и за то снабжала ихъ нужными товарами и запасами. На соблазнъ такой приходили въ работу и независимые колоши или колюжи. Нынѣ эту отдаленную и бѣдную землю мы уступили Сѣверо-американскимъ штатамъ на выгодныхъ условіяхъ. Нѣкогда одна русская колонія (Россъ) стояла въ сосѣдствѣ съ богатою золотомъ Калифорніей, которая въ 30 съ небольшимъ лѣтъ густо населилась пришельцами и искателями богатствъ и приключеній изъ всѣхъ государствъ Европы и Америки.

Лѣтъ десять тому назадъ, вновь приобрѣтенный Амурскій край приблизилъ къ Россіи огромную и до-сихъ-поръ неизвѣстную страну—Японію. Съ нею всѣ образованныя европейскія государства спѣшатъ войти въ сношенія, приглашаютъ къ себѣ и чествуютъ пословъ страны этой: рассчитываютъ и надѣются отъ торговли съ Японіей приобрѣсти для

себя громадныя выгоды. Таковыя получаютъ уже англичане, американцы, голландцы и французы отъ сношенія съ Китаемъ, который, также какъ и Японія, никого не допускалъ во внутренность государства, упрямо и неохотно входилъ въ сношенія съ сосѣдями, не чувствовалъ въ нихъ нужды, глубоко презиралъ ихъ. Съ Китаемъ Россія вошла въ сношенія одна изъ первыхъ, и притомъ сношенія наши были ближе другихъ народовъ. Мы торговали съ Китаемъ караванами и на мѣну, а потомъ, когда разладились, съумѣли, однако, установить непрерывный торгъ въ двухъ мѣстахъ восточной Сибири: Цурутухайтѣ и Кяхтѣ, и въ двухъ мѣстечкахъ близъ границъ западной Сибири: въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Къ владѣніямъ и землямъ китайцевъ примкнула сибирская сторона почти во всю длину свою. Амурская страна поставила насъ о-бокъ съ тою частью Китая, которая называется Маньчжуріей и населена народомъ, лѣтъ двѣсти назадъ покорившимъ Китай подъ власть свою. Земли, которыя прилегаютъ къ Амуру, населены народомъ до половины; на остальную половину онѣ примыкаютъ къ безлюднымъ лѣснымъ странамъ. Къ такимъ же гористымъ и лѣсистымъ пустырямъ и къ высокимъ кряжамъ горъ (своими горами высокими, богатыми земными сокровищами) подошла Сибирь на всемъ южномъ протяженіи, во всю длину свою. Въ восточной Сибири, горы Забайкалья (Становой хребетъ) дѣлаютъ насъ сосѣдями съ мирнымъ народомъ, монголами, населяющими загорную огромную степь и платящими подать китайскому богдыхану, или императору. Въ западной Сибири, помимо китайскихъ областей, наши казачьи

поселенія натолкнулись на независимыхъ народовъ средней Азіи, противъ которыхъ и стоятъ на сторожѣ. Эти горные народы такіе же смѣлые и неутомимые грабители, какъ и кавказскіе торцы, такіе же хищные степняки, какъ и туркмены. Съ этими поставило насъ о-бокъ и въ близкое сосѣдство Каспійское море. Но русское племя беретъ вездѣ верхъ; давно уже замирило и завело торговлю съ степными киргизами, большая часть которыхъ платитъ намъ уже подать. Врѣзались мы глубоко въ землю кокандцевъ и оттѣснили ихъ дальше отъ своихъ границъ, въ горы и устроили цѣлыхъ двѣ области Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую въ первой главный городъ Ташкентъ а въ другой Вѣрное (Алматы).

Въ послѣдніе время, воевали мы также и съ Бухарцами и отъ нихъ взяли хорошій участокъ земли съ нѣсколькими городами. Противъ хивинцевъ соорудили небольшой флотъ на Аральскомъ морѣ и поставили военные посты и караулы на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, впадающей въ это море. Ближніе къ намъ туркмены, по восточному берегу Каспійскаго моря, завели уже съ нами мирныя, торговыя сношенія; противъ немирныхъ и живущихъ грабежомъ на счетъ персовъ и судовъ, плавающихъ въ Каспій, мы содержимъ у персидскихъ береговъ морскую станцію съ вооруженными судами.

Съ Персіей (и на берегахъ Каспійскаго моря и на сухопутной границѣ за Кавказомъ) мы давно уже ведемъ мирныя сношенія и производимъ большую торговлю. Персія принуждена была уступить намъ однѣ изъ лучшихъ и плодородныхъ своихъ странъ, которыя и образуютъ большую половину Закав-

казья и которыя сдѣлали то, что все море Каспійское, кромѣ своего южнаго берега, принадлежитъ намъ. То же сдѣлала и Турція, послѣ долгихъ войнъ, уступивъ малоазіатскія области своей имперіи, увеличила пространство русскихъ владѣній за Кавказомъ и у Чернаго моря. Весь восточный и сѣверный берега Чернаго моря и благословенный Крымъ принадлежатъ Россіи. Азовское море — все въ русскихъ предѣлахъ.

Съ запада Россія примкнула къ тѣмъ единокровнымъ и соплеменнымъ народамъ, которые принадлежатъ двумъ нѣмецкимъ государствамъ, Австріи и Пруссіи. Народы эти одного съ нашимъ народомъ происхожденія — отъ славянъ, говорятъ сходными нарѣчіями съ нашимъ, ведутъ домашнюю и общественную жизнь почти одинаковую съ нами. Сосѣдство ихъ съ нами тянется на всемъ томъ пространствѣ земли, которая отдѣлила два моря: Черное и Балтійское.

Балтійское море, во всю длину свою и веѣмъ своимъ восточнымъ берегомъ принадлежитъ Россіи, обмывая земли нѣмцевъ на югъ, такъ называемыхъ остъ-зейцевъ, на сѣверъ финляндцевъ или Финляндію. Тамъ, гдѣ кончилось Балтійское море, идетъ наша граница сухопутьемъ и отдѣляетъ Русское государство отъ государства Шведскаго, расположившагося съ Норвегіей по ту сторону моря. Норвегія, какъ и Архангельская губернія Россійской имперіи, сѣверными краями своими примыкаетъ къ Ледовитому океану.

Придя туда, откуда вышли, намъ возвращаться назадъ нѣтъ причины и поводовъ. Чтò не домолв-

лено — доскажемъ послѣ; что не доскажемъ — допол-
нять и пояснять наши товарищи.

Для себя лично рассказомъ этимъ мы кладемъ на-
чало, дѣлаемъ заголовокъ, а подъ заголовокъ этотъ
мы станемъ подводить всѣ свои статьи, въ которыхъ
будемъ знакомить читателей нашихъ съ Русской
землей. Обо всемъ, что коротко рассказали теперь,
станемъ говорить съ возможною подробностью по-
томъ. Разказами своими мы пойдемъ полетоньку

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ОТЕЧЕСТВА НАШЕГО.

Док. № 4161